

UNIVERZITA KARLOVA V PRAZE
FILOZOFICKÁ FAKULTA

Ústav východoevropských studií

Bakalářská práce

Natalia Rajchert

Mezijazyková rusko-česká homonymie v systému jmenných slovních druhů

Interlingual Russian and Czech homonymy within nominal parts of speech

Межъязыковая русско-чешская омонимия в системе именных частей речи

V Praze 2013

Vedoucí: PhDr. Natálie Rajnochová, Ph.D.

Ráda bych poděkovala vedoucí své bakalářské práce PhDr. Natálii Rajnochové, Ph.D. za odborné vedení práce a cenné připomínky.

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze dne

podpis

Anotace

Tématem bakalářské práce je výzkum rusko-české mezijazykové homonymie v rámci systému jmenných slovních druhů (teoretické a praktické zkoumání dvou jazyků). V práci se uvádí klasifikace mezijazykových homonym a zkoumají se lingvistické procesy, jež vedou k sémantickým rozporům v slovech společného původu. Pro splnění úkolů je použita literatura psaná rusky a česky.

Klíčová slova: homonymie, česko-ruská homonymie, jmenné slovní druhy, lingvistické procesy, sémantické pole, význam slova, komparativní metoda, deskriptivní metoda, český národní korpus, ruský národní korpus

The topic of the following Bachelor thesis is concerned with Russian-Czech interlingual homonymy research within the system of nominal parts of speech (theoretical and practical analysis of the above mentioned languages). In the thesis we give a classification of interlingual homonyms and analyse the linguistic processes leading to semantic contradictions within the words of the same origin. For fulfilling the tasks stated we use literature written in Russian and Czech.

Key words: homonymy, Czech homonymy, Russian homonymy, nominal parts of speech, linguistic process, semantic field, word meaning, comparative method, descriptive method, Czech national corpora, Russian national corpora

Содержание

Введение.....	2-9
1. К вопросу об изучении межъязыковых омонимов в чешском и русском языкознании.....	9-15
1.2. Изменения, ведущие к межъязыковой омонимии...	15-22
2. Чешско-русские межъязыковые омонимы.....	22-55
Заключение.....	56-58
Список литературы.....	59-60

Введение.

Издавна, сопоставляя близкородственные языки, исследователи замечали параллели на уровне лексики, морфологии и фонетики. В частности, при изучении лексикологии было выявлено, что в отдельных языковых группах существуют синонимы, антонимы и омонимы, как полные, так и частичные. Проблема межъязыковых омонимов стала одной из главных для переводчиков, поскольку именно такие слова являются основной причиной языковой интерференции, которую необходимо избегать при переводе с одного языка на другой. Как указывают некоторые исследователи, при переводе омонимов "наиболее возможна их взаимозамена, которая иногда приводит к досадным курьезам или вовсе к абсурду".¹ Вопрос о межъязыковой омонимии является также важным и актуальным для преподавателей иностранных языков.

Впервые о проблематике межъязыковой омонимии заговорили еще в XIX в., когда сопоставительная, или компаративная лингвистика начала развиваться. В настоящее время в языкознании существует разработанная база исследуемого лексического явления, а также разветвленная система терминов для его обозначения (полисемы, ложные лексические параллели, гетеронимы; в чешском языке: *homolexy-heterosémanty*, *izolexémní jednotky heterosémní* и т.д.). Например, широко используется французское наименование межъязыковых омонимов - *faux amis*. Термин был введен М. Кесслером и Ж. Дерконьи в 1928 г. в работе "*Les faux amis: ou les trahisons du vocabulaire anglais*"², в которой сопоставлялась лексика английского и французского языков. Именно дословным переводом данного термина является используемое в чешской лексикологии выражение "*falešní přátelé překladatele*", которое применяется и в русской среде («ложные друзья переводчика»). Об остальной терминологии, существующей по данной проблематике ("ложные когнаты", "когнаты", "лексические параллели", "*zrádná slova*" и др.), мы подробнее скажем в Главе 1 нашей работы. Стоит лишь подчеркнуть, что подобная неоднородность в терминологии свидетельствует о сложности описываемого явления и отсутствии единых критериев при выделении омонимичных лексических единиц.

¹ Грабчиков, С.М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря. Минск, 1980. 6 стр.

² Кесслер, М., Дерконьи, Ж. *Les faux amis : ou les trahisons du vocabulaire anglais*. Париж, 1928. 387 стр.

Лингвисты заметили, что межъязыковая омонимия наиболее ярко выражена в "языках, имеющих генетическое родство и близость систем, при необходимом условии их взаимного контактирования".³ В рамках славянской языковой группы, т.е. родственных естественных языков, феномен омонимии (как внутриязыковой, так и межъязыковой) является отражением автономного развития языков и преобразований общеславянского лексического запаса в ходе истории.

Межъязыковые омонимы на примере западнославянских и восточнославянских языков уже исследовались как в чешском (Й. Влчек, Э. Лотко и др.), так и в русском языкознании (Бернштейн С.Б., Виноградов В.В. и др.). В нашей бакалаврской работе мы сосредоточимся на двух языках, представляющих разные ветви славянской группы - русский и чешский. Отклонения от первоначальной семантики любопытно исследовать именно на примере восточнославянских и западнославянских языков, поскольку последние, в отличие от южнославянской языковой группы, демонстрируют большую степень отдаленности от общего словарного запаса.⁴

Стоит отметить, что представленная в работе проблематика является достаточно исследованной в том числе и в славянских языках. К настоящему моменту существуют словари межъязыковых омонимов (diferenční slovníky), в том числе и словари русско-чешские (например, словарь Й. Влчека⁵). Однако ощущается недостаток комплексных работ, которые бы отражали отдельные омонимические единицы с диахронической точки зрения и объясняли различия между ними в плане содержания.

Актуальность выбранной темы заключается в попытке не просто перечислить чешские и русские межъязыковые омонимы, а представить развернутый диахронический срез отдельных лексических единиц в выше указанных языках. Поиск общего лексического значения современных омонимов (как полного, так и частичного) наряду с анализом произошедших в нем изменений на примере двух славянских языков составляет цель нашей бакалаврской работы. Под полными омонимами мы понимаем такие лексемы, у которых наблюдается разница не только в периферийных значениях семантического поля, но и в его ядре (например, слова «влажный» как «пропитанный

³ Ровдо, И.С. Межъязыковые омонимы в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма. Минск, 1980. 22 стр.

⁴ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 191 стр.

⁵ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966

влажностью, мокрым, сырым»⁶ и «vlažný» как «mírně teplý, vlahý; nedostatečně horlivý, trochu lhostejný»⁷. В свою очередь, частичными омонимами мы считаем слова с общим семантическим ядром, но отличающимися периферийными семантическими значениями.

Поставленная цель определяет следующие задачи:

1. дать определение понятию "межъязыковой омоним" и рассмотреть различные точки зрения на данное явление;
2. представить классификацию причин, ведущих к межъязыковой омонимии;
3. проанализировать отобранный лексический материал с точки зрения диахронической семантики;
4. сделать выводы, подтверждающие заявленную во Введении научную гипотезу.

Мы постараемся показать, насколько изменилось семантическое значение (план содержания) отобранных слов, имеющих одинаковую внешнюю форму (план выражения) в двух родственных языках. При этом отметим, что мы не пытаемся определить временные и исторические рамки семантических сдвигов в лексических единицах, поскольку этот вопрос относится к сложным и подчас нерешаемым в языкознании. Причины подобных изменений также находятся вне поля наших научных интересов, поскольку для описания таких процессов необходимо задействовать широкий пласт исторической литературы, которая вряд ли сможет полностью раскрыть суть семантических сдвигов в лексике. Нас интересуют изменения в плане содержания как факт, а также отклонения от изначального значения (если таковые имеются) и их степень. Мы исходим из предположения о наличии общеславянского пласта лексики, который позже развивался и менялся при определенных обстоятельствах, лежащих вне нашего анализа. В то же время мы осознаем и возможность дославянского происхождения отдельных лексем, т.е. их отнесенность к индоевропейскому периоду ("...языки произошли из общего источника - праязыка, который не был языком в современном понимании этого слова, а представлял собой уже сильно

⁶ Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Москва, 1989.

⁷ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 494 стр.

дифференцированное диалектное единство").⁸ Однако данный вопрос не относится к теме нашего исследования.

Научная гипотеза: современные межъязыковые омонимы, существующие в близкородственных языках, вызваны изменениями, или сдвигами, в семантическом значении слов, первоначально имевших одинаковое лексическое значение (полное или частичное).

Объектом исследования являются омонимичные лексические соответствия в чешском и русском языках, совпадающие в плане выражения и принадлежащие к одной и той же именной части речи. Необходимо подчеркнуть, что наш анализ касается омонимов, т.е. слов, тождественных по форме, но полностью или частично отличающихся по семантическому наполнению. Так, например, русское имя существительное "вонь" и чешское "vůně" содержат общий семантический компонент - запах, ощущения, вызываемые органами обоняния. Однако в случае русского слова, речь идет об акцентировании на неприятном и вызывающем отвращение запахе, а в чешском слово обозначает приятный аромат. Нами не затрагивается проблематика омофонов (разных слов или форм слов, совпадающих по звучанию, например, *rod - rot*⁹) и омоформ (одинаково звучащих форм различных слов, например, *русская печь - печь пироги*)¹⁰.

Предмет исследования составляют чешские и русские межъязыковые омонимы, которые с точки зрения синхронного состояния полностью или частично расходятся по своему плану содержания.

Главными методами, использованными в рамках бакалаврской работы, явились следующие:

1. при отборе лексических единиц для исследования применялся метод сплошной выборки из словарей: Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie¹¹; Ivašina, N., Rudenka, A., Janovec, L. Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině¹²; Lotko, E. Zrádná slova v polštině a češtině¹³. Так нами было

⁸ Поляков, О. Славянские языки. Вильнюс, 1998. 1 стр.

⁹ Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010. 266 стр.

¹⁰ Там же, 266 стр.

¹¹ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966.

¹² Ivašina, N., Rudenka, A., Janovec, L. Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině. Praha, 2006.

отобрано 30 оппозиций, состоящих из чешских и русских слов (ovoce - овощ, zápač - запах и т.д.). Мы не включили в выборку межъязыковую омонимию служебных частей речи, а сосредоточились исключительно на именных частях речи в русском и чешском языках. Необходимо отметить, что нами отбирались те межъязыковые омонимы, в которых явление омонимии проявляется с позиций современного состояния языка. Так, к примеру, нами рассматривались и такие межъязыковые оппозиции, как красный – krásný и живот – život, которые являются одновременно и синонимами, если приводить архаичные значения указанных слов в русском языке. При этом, понимая омонимы в более широком значении по сравнению с определением омонимии в рамках одного языка, нам пришлось отказаться от критерия абсолютного внешнего сходства лексем, т.е. их плана выражения. Иначе, соблюдение общепринятой дефиниции омонимов не позволило бы нам включить в их разряд такие лексические пары, как овощи – ovoce, гвоздь – hvozd, болото – bláto и т.д. В компаративной лингвистике необходимо учитывать особенности исторического развития языков и изменений, произошедших в них. Более того, сравниваемые языки (русский и чешский) имеют разные системы письменности. Русский язык использует кириллицу, тогда как чешский – латиницу. В нашей работе мы не рассматривали фонетический критерий.

2. в ходе анализа отдельных слов в чешском и русском языках был использован сопоставительный и описательный метод. Для нас было важно, обладают ли исследуемые лексические единицы общими значениями с синхронической точки зрения. В случае, если семантическое ядро двух единиц существенно отличалось, мы старались отыскать на базе контекстов из чешского и русского языковых корпусов и этимологических словарей их общую сему.

При определении теоретической базы исследования мы опираемся на работы чешских и русских лексикологов, которые связаны с изучением межъязыковой омонимии. Главным источником является лексикографическая работа Й. Влчека "Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie", в которой представлены не только омонимы, находящиеся в центре внимания нашей работы, но и омофоны, омографы и даже паронимы. Эта же работа послужила одним из источников исследуемых лексических единиц, из которого производилась сплошная выборка. Далее

¹³ Lotko, E. Zrádná slova v polštině a češtině. Olomouc, 1992.

мы черпаем теоретические сведения из работ, посвященных лексикологии белорусского языка в сопоставлении с русским (Грабчиков С.М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-беларусского словаря) и чешским языком (N. Ivašina, A. Rudenka, L. Janovec. Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině). Обе работы также являются попыткой создания словаря "ложных друзей переводчика", т.е. межъязыковых омонимов, и, в то же время, содержат ценную теоретическую информацию. Необходимо отметить, что чешские работы, в том числе и словари, по омонимии, вышедшее на территории Чехословакии в начале XX века, являются на настоящий момент трудно доступными.¹⁴ При описании диахронического аспекта лексем мы обращаемся к этимологическим словарям: «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера¹⁵, «Etymologický slovník jazyka českého» В. Махека¹⁶. Указанные словари являются источниками, содержащими детальный этимологический материал.

В ходе сопоставительного лексического анализа нами используются контексты, представленные в чешском¹⁷ и русском¹⁸ языковом корпусе. На данные контексты мы опираемся, в первую очередь, при описании полной и частичной омонимии.

Структурно работа состоит из нескольких частей:

1. введения, где указываются актуальность и цель бакалаврской работы, исходящие из нее задачи, а также методы, объект и предмет исследования, научная гипотеза, описаны структура и терминологический аппарат работы;

2. главы 1, в которой представлена история вопроса, приведены различные точки зрения на понятие и виды межъязыковых омонимов в чешском и русском языкознании;

3. главы 2, где содержится анализ отдельных лексических единиц чешского и русского языков, описывается их семантика (план содержания) и дается сопоставление;

4. заключения, в котором подводятся итоги проведенного исследования и приводятся основные тезисы.

¹⁴ Ivašina, N., Rudenka, A., Janovec, L. Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině. Praha, 2006. 6 стр.

¹⁵ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Москва, 1964-73

¹⁶ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997

¹⁷ Český národní korpus [online]. <http://ucnk.ff.cuni.cz/hledat_v_cnk.php>

¹⁸ Национальный корпус русского языка [online]. <<http://www.ruscorpora.ru>>

Необходимо дать определения нескольким терминам, которыми мы будем оперировать в работе: «план содержания», «план выражения», «этимон», «семантическое поле», «ядро семантического поля», «периферия семантического поля».

Дихотомия плана содержания и выражения восходит своими корнями к семиотике (семиологии), науке о знаках, Фердинанда де Соссюра. Швейцарский лингвист является автором теории о двойной природе языкового знака, который состоит из означающего, т.е. внешней, материальной стороны, и означаемого, или же внутренней, идеальной стороны.¹⁹ В нашей работе термину "означающее" отвечает понятие "план выражения", тогда как "означаемое" называется "планом содержания". Например, планом содержания лексемы "ovoce" является "съедобные плоды (в основном, деревьев и кустарников), которые можно употреблять в пищу в сыром виде".²⁰ У русского слова "овощи", соответственно, план содержания будет отличаться («выращиваемые на грядках корнеплоды, луковичные, листовые и некоторые другие растения; плоды и зелень таких растений (огурцы, помидоры, морковь, салат, лук, чеснок, свекла, брюква, капуста, репа, петрушка и др.), употребляемые в пищу»)²¹. Планом выражения в данном случае мы называем соотношение и набор звуков и букв (o-v-o-c-e). В поле интереса нашего исследования попадает, в первую очередь, план содержания (обозначаемое), который тождествен семантическому наполнению лексемы.

Для более четкого описания плана содержания мы руководствуемся термином «семантическое поле». «Семантическим полем» является «совокупность актуальных языковых единиц, обладающих семантическим единством», т.е. общим планом содержания.²² В нашей работе термины «план содержания» и «семантическое поле» синонимичны.

Семантическое поле имеет структуру: «ядро» и «периферию». Ядром является главный или определяющий признак лексемы. Ядро (центр) семантического поля составляют такие лексические единицы, которые «наиболее полно, прямо и просто передают обобщающую идею».²³ Нерегулярные, сложные семы определяют периферию

¹⁹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Москва, 1933. 77-78 стр.

²⁰ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 256 стр.

²¹ Большой академический словарь русского языка. Том 13. Москва, Санкт-Петербург, 2009. 449 стр.

²² Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010. 407 стр.

²³ Там же, 407 стр.

семантического поля.²⁴ Говоря о полной или частичной омонимии, мы тем самым подразумеваем отличия в ядре (центре) семантического поля слова, либо на его периферии (в случае частичной омонимии).

Этимология, т.е. наука о происхождении слов, работает с термином "этимон", который означает первоначальное значение и форму лексемы. В работе мы попытаемся выделить этимоны исследуемых единиц, их семантическое поле и сопоставить их с современным планом содержания для идентификации наличия семантических изменений.

1. К вопросу об изучении межъязыковых омонимов в чешском и русском языкознании.

Как указывалось во введении, на сегодняшний день, как в чешской, так и в русской среде, для обозначения межъязыковой омонимии существует большое количество терминов. Более того, у разных лексикографов отличаются критерии определения межъязыковых омонимов. Так, некоторые включают в свои словари межъязыковые омоформы (*hospoda* (сущ., жен. р., ед. ч.) и *господа* (сущ., мн. ч. от *господин*)²⁵, омографы (*острить* и *ostřit*)²⁶, т.е. слова, отличающиеся по своему произношению, и омофоны (*вымогатель* и *vumahatel*)²⁷.

В данной главе мы попытаемся привести основные точки зрения на понятие омонимии, в том числе и межъязыковой омонимии, существующие на сегодняшний момент в языкознании и доказать, что по отношению к компаративистике нельзя применять те же критерии, которые принимаются во внимание при исследовании омонимов внутри одного языка.

Для начала необходимо внести ясность в терминологический аппарат, который, как уже упоминалось ранее, до сих пор относится к спорным вопросам компаративной лексикологии. Перевод исконно французского выражения «ложные друзья переводчика» является одним из наиболее распространенных для описания

²⁴ Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Санкт-Петербург, 2005. 18 стр.

²⁵ Česko-ruské interference [online]. [cit. 2013-04-10]. <http://interference.ajoda.eu/index.php?rwTitle=wordList&word_id=584>

²⁶ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 91 стр.

²⁷ Там же, 25 стр.

исследуемого нами явления как в чешском, так и в русском языках. Однако такое образное выражение вряд ли можно назвать полноценным термином, поскольку оно никоим образом не описывает внутреннюю суть явления, а скорее определяет его с практической точки зрения. Более того, выражение очень расплывчато и охватывает не только межъязыковые омонимы, но и синонимы («слова одной части речи, совпадающие или очень близкие по значению, т.е. объединенные отношениями синонимии»)²⁸, паронимы («слова одной и той же части речи, связанные отношениями паронимии, т.е. значительного внешнего сходства и, как правило, родства корней»)²⁹ и антонимы («слова одной и той же части речи, связанные отношениями антонимии, т.е. противоположности по значению внутри семантической общности»)³⁰, которые не рассматриваются в рамках данной работы. На этом же основании мы не можем принять термин, предлагаемый В.В. Дубичинским, «ложные лексические параллели» («различные по значениям или совокупности значений лексические параллели двух и более синхронически сопоставляемых языков назовем ложными лексическими параллелями»)³¹. Неточным и размытым нам кажется и термин «межъязыковые соответствия», используемый на примере русского и польского языков в статье К. Кусала.³² Термин «ложные когнаты» скорее относится к паронимам, поскольку обычно обозначает слова, «имеющие общее происхождение и похожее звучание в двух и более самостоятельных языках».³³ Употребляемое Э. Лотко обозначение «zrádná slova» является столь же расплывчатым, как и вышеуказанные термины.³⁴

Термин «межъязыковые омонимы» нам кажется наиболее приемлемым в связи с исследуемым лексическим материалом, поскольку в нем акцентируются определенные отношения между планом выражения и планом содержания, которые интересуют нас в бакалаврской работе. Однако многие исследователи сталкиваются с проблемой разграничения омонимии от других семантических процессов.

Так, еще одной из основных проблем, которая предстает перед лексикологами, является различие понятий омонимии и полисемии (многозначности). Традиционно

²⁸ Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010. 411 стр.

²⁹ Там же, 296 стр.

³⁰ Там же, 23 стр.

³¹ Дубичинский, В.В., Шайхиева, Т.Н. Лексикографическое описание русско-испанских лексических параллелей. [online]. [cit. 2013-04-15]. <<http://ojs.library.spbu.ru/index.php/SPL/article/download/18/18>>

³² Kusal, K. Типы семантических отношений в сфере русско-польской межъязыковой омонимии. Из: *Man and the Word (Žmogus ir žodis)*, вып. 3, том 7, 23-29 стр.

³³ Хуцишвили, С.Д. Славянские межъязыковые омонимы. Диссертация. Тбилиси, 2010. 26 стр.

³⁴ Lotko, E. *Zrádná slova v polštině a češtině*. Оломоуц, 1992. 8 стр.

выделяются два взгляда на омонимию и полисемию. Некоторые исследователи (В.В. Виноградов, В.Г. Гак и др.) считают омонимами только те слова, которые изначально отличались в плане выражения, но в ходе исторического развития языка (заимствований, фонетических преобразований и, в общем, ряда других случайных причин³⁵) совпали по звучанию. К явлению полисемии они относят все остальные случаи, когда «одинаковая материальная, звуковая оболочка одевает различное содержание».³⁶ Примером может послужить слово «бар», которое имеет целых три омонимичных значения, вызванных их заимствованиями из разных языков. Так, «бар» может означать: 1. небольшой ресторан; его зал или стойка со спиртными напитками и холодными закусками (из англ.); 2. единица измерения атмосферного давления (из греч.); 3. наносная мель у морских берегов (из франц.). Главным критерием при разграничении полисемии от омонимии является степень удаленности значений друг от друга, используются такие определения, как «далеко разошедшиеся значения» и «разрыв семантических связей». Такие понятия являются чисто субъективными и «абсолютно не лингвистическими».³⁷ Необходимо отметить, что в случае со славянскими языками такое разделение в большинстве случаев не уместно, поскольку данная языковая группа исходит из общего лексического фонда («U příbuzných jazyků však jde velmi často o slova stejného původu i významu (společný lexikální fond slovanských jazyků), jež se při dalším samostatném vývoji ruského a českého jazyka významově diferencovala (dokonce tak, že vyjadřují úplný opak), jež však si zároveň uchovala i původní společný význam»)³⁸. Но в то же время мы не разделяем столь однозначно мнение Й. Влчека о том, что все межъязыковые омонимы славянских языков сохранили свое первоначальное общее значение. Это нам и предстоит исследовать в практической части нашей бакалаврской работы.

Другие исследователи (Л.А. Булаховский, Б.И. Осипов, Б. Гавранек, А. Йедличка) относятся к понятию «омоним» более широко и причисляют к ним «те случаи, когда различные значения многозначного слова расходятся настолько, что материальная оболочка, связывавшая их, как бы разрывается, давая жизнь двум (или большему количеству) словам».³⁹ Л.А. Булаховский отмечает, что омонимичными могут быть лишь разнокоренные слова, а также слова общего происхождения, но только в том

³⁵ Арсеньева, М.Г., Строева, Т.В., Хазанович, А.П. Многозначность и омонимия. Ленинград, 1966. 3 стр.

³⁶ Там же, 3 стр.

³⁷ Арсеньева, М.Г., Строева, Т.В., Хазанович, А.П. Многозначность и омонимия. Ленинград, 1966. 8 стр.

³⁸ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 190 стр.

³⁹ Арсеньева, М.Г., Строева, Т.В., Хазанович, А.П. Многозначность и омонимия. Ленинград, 1966. 4 стр.

случае, если носитель языка не может для себя определить их общую сему.⁴⁰ Таким примером может послужить слово «ключ», имеющее несколько значений: «1. металлическое приспособление с различной комбинацией вырезов для запираания и отпираания замка; 2. естественно выходящая на поверхность земли подземная вода, источник, родник».⁴¹ Именно на основании столь противоположных значений исследователи разграничивают омонимию и полисемию. Отличные лексические значения слова он считает полисемией.

Однако существует еще одна точка зрения, которая практически отождествляет полисемию с омонимией. Так, С.Д. Хуцишвили в своей диссертации говорит о развитии омонимии из полисемии.⁴² М.Г. Арсеньева считает утверждения об обособленности явлений омонимии и полисемии искусственными и неверными.⁴³ Й. Влчек, как одну из причин возникновения омонимов, указывает семантическое разложение и обособление полисемантического слова (на примере значений слова «худой»: 1. тощий, сухощавый; 2. плохой).⁴⁴ Более того, на основании дихотомического понимания языка (*langue*) и речи (*parole*) Ф. де Соссюра некоторые исследователи (А.А. Потебня, Л.В. Щерба) придерживаются мнения, что слова по своей сути однозначны. В речи как конкретной реализации языковой системы, в коммуникационном контексте всегда реализуется лишь одно значение слова, которое говорящий выбирает из парадигматической системы. В свою очередь, парадигма значений той или иной лексемы является отношением внутриязыковым, т.е. в *langue*. В своей работе мы понимаем омонимию и полисемию как понятия практически тождественные. Полисемия – явление, характерное для парадигматических отношений в рамках одной лексемы. Как только сравниваются две или более лексем в разных языках, можно говорить об омонимии.

Проблема заключается и в использовании разных критериев для определения межъязыковых омонимов. Одним из таких критериев является критерий графической схожести. Еще М. Кесслер и Ж. Дерконьи выделяли два типа «*faux amis*»: "полностью ложные", орфографически похожие, но с отличной семантикой и "частично ложные", имеющие сходную орфографию и общую семантику. Однако как поступить с этим критерием в отношении русского и чешского языков, отличающихся письменностью. К

⁴⁰ Из: Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 192-193 стр.

⁴¹ Большой академический словарь русского языка. Том 8. Москва, Санкт-Петербург, 2007. 147-148 стр.

⁴² Хуцишвили, С.Д. Славянские межъязыковые омонимы. Диссертация. Тбилиси, 2010

⁴³ Арсеньева, М.Г., Строева, Т.В., Хазанович, А.П. Многозначность и омонимия. Ленинград, 1966. 5 стр.

⁴⁴ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 196-197 стр.

тому же не совпадает количество букв в алфавите. Как указывает в своей диссертации С.Д. Хуцишвили, «полноценные (соответствующие внутриязыковым) межъязыковые фонетико-графические омонимы выделяются только при сопоставлении языков с одинаковой письменностью».⁴⁵ Поэтому мы вынуждены отказаться от данного критерия, поскольку не считаем его определяющим при выделении межъязыковых омонимов.

В исследуемых языках отличается и количество как гласных, так и согласных звуков. Поэтому при составлении омонимичных межъязыковых пар нужно учитывать критерий фонетический. Критерий фонетического сходства является определяющим для А.Й. Шайкевича и К. Горалека.⁴⁶ В.В. Акуленко акцентирует необходимость тождественности графического и фонетического аспекта.⁴⁷

В.В. Виноградов подчеркивает, что фонетическая тождественность должна проявляться во всех грамматических формах лексемы⁴⁸. Здесь уже проявляется следующий аспект или же критерий – грамматический, т.е. совпадение во всех грамматических формах межъязыковых лексем. Некоторые исследователи относят к межъязыковой омонимии и омонимию частеречную (например, чеш. сущ. «kovárna» и рус. краткое прилаг. «коварна»), что приводит к языковой интерференции лишь в ограниченных случаях.⁴⁹ На основании совпадения / несовпадения всего спектра грамматических форм М.И. Фомина выделяет полные и неполные (частичные) лексические омонимы.⁵⁰ Под полными омонимами понимаются «слова одной и той же части речи, у которых совпадает вся система форм», тогда как неполные (частичные) омонимы – это «слова одной и той же части речи, у которых совпадает не вся система форм»⁵¹. Так, к примеру, отличается форма множественного числа у лексемы «лист» в значениях «орган воздушного питания и газообмена у растений, имеющий обычно вид тонкой зелёной пластинки какой-либо формы» («листья») и «тонкий, широкий кусок, пласт какого-л. материала» («листы»)⁵². Поэтому можно считать эти две лексемы частичными омонимами. Мы естественно не можем принять такой принцип, поскольку грамматики исследуемых языков имеет множество отличных особенностей (например,

⁴⁵ Хуцишвили, С.Д. Славянские межъязыковые омонимы. Диссертация. Тбилиси, 2010. 38 стр.

⁴⁶ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 193 стр.

⁴⁷ Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В., Юхт В.Л. Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика". Москва, 1969. 372 стр.

⁴⁸ Виноградов, В.В. Об омонимах и смежных явлениях. Из: Вопросы языкознания, вып. 5, 1960. 4 стр.

⁴⁹ Хуцишвили, С.Д. Славянские межъязыковые омонимы. Диссертация. Тбилиси, 2010. 52 стр.

⁵⁰ Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология. Москва, 1983. 56 стр.

⁵¹ Там же, 56 стр.

⁵² Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 336 стр.

родительный падеж слова «дом» - «дома», а чешского слова «dům» - «domu»). Кроме того, несмотря на то, что мы используем в работе такое же деление межъязыковых омонимов на полные и частичные, мы исходим из принципа семантического, а не грамматического. Полные межъязыковые омонимы являются словами с отличным семантическим ядром, а частичные - словами с общим семантическим ядром, но разными периферийными семантическими признаками. В этой связи схожим является понимание полноты и частичности межъязыковой омонимии, представленное в работе Э. Лотко: «Polysémní zrádná slova dělíme tedy na slova celkově zrádná, tj. taková, u nichž se všechny významy porovnávaných sémantických spekter odlišují, a slova částečně zrádná, u nichž některé významy sémantických spekter jsou shodné, resp. spolu korespondují, jiné se liší».⁵³

Й. Влчек, в свою очередь, говорит о том, что межъязыковая омонимия может включать целую грамматическую парадигму лексемы, главным образом ее неопределенную форму, так и ее отдельные формы.⁵⁴

Нам кажется, что довольно часто исследователи не видят разницы между двумя понятиями – тождественность и сходностью (у Й. Влчека также используется понятие «adekvátnost»)⁵⁵. А ведь эти аспекты играют ключевую роль, в частности, при отделении омонимов от паронимов. Например, Э. Лотко определяет «zrádná slova» таким образом: «lexikální jednotky, které jsou v obou jazycích formálně shodné nebo podobné, ale významově nebo / i stylově odlišné».⁵⁶

Тождественность мы понимаем как идентичность, тогда как сходность синонимична близости, подобности и идентичности лишь отдельных частей. Рассматривая вышеуказанные критерии омонимов с позиций тождественности и схожести, мы определяем для себя межъязыковые омонимы как слова, грамматически тождественные (не в парадигматическом смысле) и схожие фонетически (паронимы, в свою очередь, являлись бы словами схожими как грамматически, так и фонетически). Так, например, мы не станем относить к межъязыковым омонимам имя существительное «пила» (жен.р., ед.ч.) и форму прошедшего времени женского рода от глагола «pít» - «pila». Такие слова, как указывает Й. Влчек, могут привести к

⁵³ Lotko, E. Zrádná slova v polštině a češtině. Оломоуц, 1992. 14 стр.

⁵⁴ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 206 стр.

⁵⁵ Там же, 206 стр.

⁵⁶ Lotko, E. Zrádná slova v polštině a češtině. Оломоуц, 1992. 8 стр.

интерференции лишь в исключительных случаях («tyto homonymní tvary mohou působit jen ve výjimečných případech»).⁵⁷ Тем более, в данном случае речь идет скорее об особых случаях частичной с формальной точки зрения омонимии, которые принято называть «омоморфами». Межъязыковые омонимы должны обязательно относиться к одной и той же части речи («красный» - «krásný», «рот» - «ret» и т.д.). Графический критерий может играть роль лишь при сравнении языков, использующих одинаковую письменность (кириллицу, латиницу и т.д.).

1.2. Изменения, ведущие к межъязыковой омонимии.

Йозеф Влчек выделяет следующие причины межъязыковой омонимии в чешском и русском языке: фонетические, грамматические, лексические, стилистические и семантические.⁵⁸ Рассмотрим их подробнее:

1. Среди фонетических изменений, повлиявших на появление межъязыковых омонимов отмечается, во-первых, утрата согласных d, t в сочетаниях dl, tl в русском языке (ср. вел – vedl). Так, возникли омонимичные пары мылить («натирать мылом, смоченным в воде»⁵⁹) – mýlit («uvádět v omyl, plést, mást, klamat»⁶⁰). Во-вторых, влияние оказал переход долгого монофтонга ú в дифтонг ou в чешском языке, что повлияло на появление межъязыковых омонимов суд («государственный орган, разбирающий гражданские споры и уголовные дела; помещение, в котором находится такой орган»⁶¹) – sud («válcovitá nádoba s dvěma kruhovými dny (stažená obručemi»⁶²). В-третьих, причиной послужило исчезновение протетического v, приведшее к случаям омонимии, например, оса («жалящее перепончатокрылое насекомое, обычно с чёрными и жёлтыми поперечными полосами»⁶³) – osa («myšlená přímka, k níž se určují geometrické nebo fyzické vztahy bodů nebo těles»⁶⁴).

2. Грамматическую межъязыковую омонимию Й. Влчек разделяет на подкатегории: омонимия родовая, омонимия числа, словообразовательная омонимия и омонимия форм слова.

⁵⁷ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 195 стр.

⁵⁸ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 208-209 стр.

⁵⁹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 381 стр.

⁶⁰ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 191 стр.

⁶¹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 805 стр.

⁶² Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 422 стр.

⁶³ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 473 стр.

⁶⁴ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 250 стр.

Ярким примером родовой чешско-русской омонимии является оппозиция *banka* («peněžní a úvěrový ústav»⁶⁵) – банка («цилиндрический сосуд»⁶⁶). Русская лексема, синонимичная в плане содержания чешской «*banka*», имеет форму мужского рода – банк. Оба слова появились в языках путем заимствования из иностранных языков (в русском – из итальянского, в чешском – из немецкого или французского).⁶⁷ В целом, данную категорию родовых омонимов, по словам Й. Влчека, составляют в основном заимствованные слова, которые по-своему приспосабливались к системе языков-реципиентов.

В отношении омонимии грамматического числа имен существительных необходимо сказать, что довольно часто данный вид омонимов присутствует и внутри самого языка. Ранее нами указывался пример со словом «лист». В чешском языке наблюдается подобная частичная омонимия (ср. *list* – *listy* и *listí*). Однако подчас степень омонимии схожих в плане выражения лексем в чешском и русском языках не совпадает. Например, русское слово «сплав» имеет два основных значения: 1. однородная смесь, образовавшаяся вследствие затвердения расплава двух или нескольких отдельных веществ; 2. действие от глагола «сплавить».⁶⁸ В первом семантическом значении слово способно образовывать форму множественного числа, тогда как во втором случае это не представляется возможным. В свою очередь, в чешском языке существует лексема «*splav*» («*pevný jez na vodním toku*»⁶⁹), имеющая форму множественного числа.

В рамках одной языковой системы часто встречается и следующий тип омонимии – омонимия форм слова. Например, форма первого лица единственного числа настоящего времени от глаголов *vodit* и *vozit* – *vožu*. Что касается межъязыковой омонимии подобного типа у глаголов, то она проявляется в следующих направлениях: во-первых, омонимия совершенного и несовершенного вида у глаголов (решить – *řešit*, кончить – *končit* (сов.в. – несов.в.) и т.д.); во-вторых, содержательное несоответствие двух омонимичных глаголов в русском языке с чешским глаголом того же вида (стирать (несов.в. от *выстирать*) и стирать (несов.в. от *стереть*) – *stírat*); в-третьих, соответствие двух отличающихся по виду глаголов в чешском языке двум

⁶⁵ Там же, 25 стр.

⁶⁶ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 33 стр.

⁶⁷ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 210 стр.

⁶⁸ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 782 стр.

⁶⁹ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 405 стр.

глаголам, омонимичным в плане содержания, в русском языке (досыпать (от *сыпать*) и досыпать (от *спать*) – *dosypat* и *dosýpat*); видовое отличие между омографическими глаголами (дорезать (несов.в. от *дорезать*) – *dořezat* (сов.в. от *řezat*)); русско-чешская омонимия, вызванная отличием глагольных основ и проявляющаяся при образовании форм глагола путем использования одинаковых видовых средств (довираться (от *врать*) – *dovírat se* (*docela se zavířt*⁷⁰)); омонимия, вызванная семантическим отличием приставок в русском и чешском языке (например, русская приставка до-, в отличие от чешской, может обозначать результат, завершенность действия). Омонимия форм слова проявляется и в других частях речи, например, в именах существительных, что вызвано функциональным отличием словообразовательных элементов (например, суффиксов или аффиксов).⁷¹ Й. Влчек отмечает следующие причины межъязыковой омонимии имен существительных: 1) присоединение одинаковых аффиксов к похоже звучащим корням, имеющим однако разное происхождение (*давқа* (от глагола *давить*) – *dávka* (от глагола *dávat*), *подводник* (от сущ. *вода*) – *podvodník* (от глагола *podvádět*) и т.д.); 2) присоединение омонимичных аффиксов к словам, имеющим в обоих языках одинаковую основу (*возқа* (отглагольное существительное от *возить*) – *vozka* (исполнитель действия от глагола *vozit*); 3) семантическое несоответствие слов, которые в русском языке обозначают исполнителей какого-либо действия (*nomina agentis*), и чешских слов, обозначающих предметы реального мира или реальные состояния (*nomina rei*): банкрот («несостоятельный должник, отказывающийся платить своим кредиторам вследствие разорения»⁷²) – *bankrot* («*finanční úpadek pro platební neschopnost*»⁷³), прачка («работница, занимающаяся ручной стиркой белья»⁷⁴) – *pračka* («*domácí elektrický spotřebič sloužící k praní prádla*»⁷⁵) и т.д.; 4) использование суффикса –ка в обоих языках для образования уменьшительно-ласкательных форм (деминутивов) и историческая десемантизация данных слов, ведущая к появлению омонимичных форм (рус. *ручка* – 1. деминутив от слова *рука*; 2. часть предмета, за которую его держат или берутся рукой (например, дверная ручка); 3. часть мебели, служащая опорой для рук, подлокотник; 4. письменная принадлежность удлинённый держатель для пера, стержня (например, шариковая ручка)⁷⁶ и чеш. *ručka* (деминутив от *ruka*)). К

⁷⁰ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 141 стр.

⁷¹ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 217 стр.

⁷² Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 33 стр.

⁷³ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 45 стр.

⁷⁴ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 596 стр.

⁷⁵ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 604 стр.

⁷⁶ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 712 стр.

словообразовательным элементам, повлиявшим на чешско-русскую межъязыковую омонимию, Й. Влчек также относит суффиксы –ина (-ina), -ура (-ura). Иногда в чешском языке встречаются имена прилагательные, которые имеют одну формы, однако образованы от двух разных имен существительных (чеш. прилаг. *dialektický* от 1. *dialekt* («nespisovný jazykový útvar užívaný lidmi na určitém území») и 2. *dialektika* («filosofický pojem») – рус. прилаг. диалектический (от *диалектика*) и диалектный (от *диалект*)).

3. Следующую группу, выделяемую Й. Влчком, составляют стилистические и семантические омонимы. Как мы указывали ранее, исследователь считает полисемию одним из источников возникновения межъязыковых омонимов. Однако нас интересуют более конкретные процессы, которые выделяются исследователем как повлиявшие на появление межъязыковых омонимов. Обозначая основные причины семантической омонимии, Йозеф Влчек указывает, что «lexikální homonymie vznikla rozštěpením kdysi společného významu, ztrátou povědomí někdejší sounáležitosti těchto významů a jejich samostatným významem». ⁷⁷ Итак, мы видим, что исследователь подчеркивает наличие общего семантического компонента у славянских слов, который в ходе исторического развития претерпевал некоторые изменения.

Главным фактором возникновения межъязыковых омонимов признается потеря этимологической взаимосвязи, обособление отдельных семантических компонентов лексемы и метафоризация. Последний фактор является неоднозначным, поскольку метафора может проявляться в разной степени и иметь различные виды. ⁷⁸ В рамках каждого из исследуемых языков можно встретиться с **метафорой**. Так, к примеру, уже издавна люди наделяли явления природы человеческими качествами и олицетворяли их (дождь идет, солнце улыбается, *slunce vychází, příroda spí* и т.д.). Однако, как указывает Й. Влчек, в таких примерах зачастую можно найти общий семантический компонент, лежащий в основе метафорического переноса значений.

Что нельзя сказать о случаях, в которых наблюдается **разложение, или же расщепление полисемантического слова**. Примером может послужить русская лексема «болтать», имеющая два на первый взгляд абсолютно отличных друг от друга значения: 1. размешивая, приводить в движение (жидкость) и 2. говорить (много, быстро, а также о чём-нибудь незначительном или то, о чём не следует). ⁷⁹ Значения

⁷⁷ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 220 стр.

⁷⁸ Там же, 223 стр.

⁷⁹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 53 стр.

реализуются в подобных контекстах: 1. «Одевшись, Максимус вскипятил электрический чайник, наболтал себе кофе с сахаром в металлическую кружку с крышкой, проверил содержимое портфеля, запихнул в него кружку»; 2. «В их опыте группа добровольцев беспечно болтала по телефону, одновременно демонстрируя свою реакцию».⁸⁰ В чешском языке первое значение проявляется в плане содержания лексемы *míchat*, а второе – *žvanit*. Этимомом слова «болтать» является «смешивать что-то важное с менее важным». Й. Влчек подчеркивает, что данную дихотомию нельзя рассматривать как двойное значение одного слова, а как две разные лексемы, появившиеся в результате разложения полисемантического слова «болтать».⁸¹

Что касается чешско-русской омонимии, возникшей в результате разложения полисемии, то в этой связи Йозеф Влчек приводит в пример лексему «покойный» («*rokojný*»), этимомом которой является «*klidný, mírný*». В русском языке произошло обособление одного периферийного значения лексемы – умерший, усопший. Более того, данное имя прилагательное стало в русском языке субстантивом, т.е. именем существительным.

Семантический сдвиг (*významové posunutí*) является следующим процессом, ведущим к межъязыковой омонимии. При таком процессе в языке может сохраняться первоначальное значение слова. Такой сдвиг приводит к абсолютному семантическому расхождению с первоначальным общим значением лексемы. Примерами могут послужить омонимичные пары слов: питомый – *pitomý*, позор – *rozog* и т.д.

Сужение или, наоборот, **расширение семантического значения лексемы.** Несмотря на данное изменения, в языке также может сохраняться и функционировать первоначальное значение слова.

Тогда как Йозеф Влчек объединяет сужение и расширение семантики в одну подгруппу, исследователь К. Кусал рассматривает эти явления как самостоятельные процессы. Итак, К. Кусал⁸² выделяет два типа семантических изменений, ведущих к межъязыковой омонимии, т.е. к расхождениям этимологически тождественных слов. В этом случае, важную роль играет этимон сопоставляемых единиц. Расхождение может

⁸⁰ Национальный корпус русского языка. WWW: <http://search.ruscorpora.ru/>

⁸¹ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 224 стр.

⁸² Kusal, K. Типы семантических отношений в сфере русско-польской межъязыковой омонимии. Из: Map and the Word (*Žmogus ir žodis*), вып. 3, том 7, 23-29 стр.

быть связано: 1) с расширением или, наоборот, 2) сужением семантического поля лексемы в одном из славянских языков. Так, например, слово в одном из славянских языков сохраняет свое первоначальное значение, тогда как в рамках другого языка лексическое значение приобретает более тесные границы. Например, русское слово «злодей» имеет следующие значения: «тот, кто совершает злодеяние, кто способен на него; преступник, убийца»⁸³ (контексты: «Я был взят как злодей, преступивший права человечества, и без всякого оправдания повлечен в бездну неизвестности!», «Когда злодеи из секты "Плебейское возрождение" зверски захватили в заложники великого князя Алгольского...»⁸⁴; чешский межъязыковой омоним «zloděj» определяется, как «kdo krade, někoho okrádá»⁸⁵ (контексты: «Neznámý zloděj ukradl veřejný telefonní automat v Mladějově», «Zloděj ukradl peníze přímo z pokladny»⁸⁶).

Процесс сужения и расширения семантики может наблюдаться и на примере заимствованных слов. Так, к примеру, слово «экскурсия» («exkurse») в русском языке означает «коллективную поездку (прежде также индивидуальную) куда-нибудь, посещение чего-нибудь с образовательной, познавательной целью»⁸⁷; в чешском языке произошло сужение семантического поля («hromadná studijní vycházka, výlet za účelem prohlídky určitého místa, provozu podniku ap.»⁸⁸), где значение утратило характер индивидуального совершения действия и ограничилось определенным местом. В то же время в чешском языке существуют примеры семантического расширения лексемы, например, в слове «borec»: «Slovo borec bylo přejato z ruštiny a má význam pěstitel tělesné výchovy, cvičenec – od toho přeborník, přebory (спортсмен, brána borců, závod borců). V hovorovém jazyce se jím označuje člověk, který něčím vyniká, chlapík (často i ironicky)».⁸⁹ В русском языке лексема «борец» имеет значение «спортсмен, занимающийся борьбой».⁹⁰ При этом интересно и то, что на примере данной лексической пары наблюдается и стилистическая омонимия: «české borec znamená též zápasník – tento význam je však již knižní a neužívá se ho, ruské borec ve významu zápasník

⁸³ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 235 стр.

⁸⁴ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

⁸⁵ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 571 стр.

⁸⁶ Český národní korpus - SYN2010. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2010. Dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>

⁸⁷ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 941 стр.

⁸⁸ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 165 стр.

⁸⁹ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 225 стр.

⁹⁰ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 54 стр.

je spisovné».⁹¹

На примере **использования церковнославянских слов** в русском языке можно фиксировать как омонимию семантическую, так и стилистическую. Сравним, например, оппозицию «прах – порох». Лексема «прах» имеет значение: «останки, то, что осталось от тела умершего»⁹²; порох – «взрывчатое соединение или смесь»⁹³. При этом оба значения реализуются в рамках одной чешской лексемы «prach».

Особую группу чешско-русских межъязыковых омонимов составляют лексические единицы, в которых происходит не только семантическая дифференциация, но полное искажение семантического значения, вследствие чего появляются слова, идентичные по произношению и написанию, но имеющие совершенно противоположные значения. Как указывает Йозеф Влчек, довольно часто в языках сохраняются остатки и свидетельства отличного семантического развития лексем, которые можно найти в определенных устойчивых выражениях или словосочетаниях, фразеологизмах и пословицах.

В целом мы выделяем следующие виды изменений, или модификаций, которые в результате приводят к появлению межъязыковых омонимов: фонетические, грамматические, лексические, стилистические и семантические. В нашей бакалаврской работе, как уже указывалось во введении, нас интересуют именно те омонимы, которые возникли в результате семантических изменений. Стоит признать, что классификация Й. Влчека не является идеальной. Так, к примеру, остается неясным, в чем заключается особенность семантического сдвига, ведь данный процесс как смысловое расхождение между несовпадающими лексическими единицами может являться общим названием для всех семантических изменений. Так, семантическим сдвигом можно назвать процесс расширения семантического значения. Не совсем уместным, на наш взгляд, является выделение в отдельную подгруппу процесса развития церковнославянских слов. В нашей работе мы исходим из общеславянского словарного запаса, рассматриваем не только церковнославянизмы. Также мы придерживаемся подхода К. Кусала и рассматриваем процессы сужения и расширения семантического значения лексемы как два отдельных явления.

⁹¹ Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966. 226 стр.

⁹² Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 595 стр.

⁹³ Там же, 582 стр.

Итак, к видам семантических изменений мы относим:

1. расщепление полисемантического слова и последующее обособление отдельных элементов единого семантического поля (*покойный – pokojný*);
2. сужение семантического значения общеславянской лексемы (*злодей - zloděj*);
3. сужение семантического значения заимствованной лексемы (*экскурсия – excursion* и т.д.);
4. расширение семантического значения общеславянской лексемы (*ласка - láska*);
5. расширение семантического значения заимствованной лексемы (*борец – borec*);
6. метафоризация (*крутой – krutý*).

В практической части мы попытаемся проанализировать 30 пар межъязыковых омонимов с диахронической точки зрения. В ходе анализа мы сделаем попытку найти общий этимон исследуемых лексических единиц и определить тип изменений, приведший к синхронной чешско-русской межъязыковой омонимии.

2. Чешско-русские межъязыковые омонимы.

В данной главе поочередно представлены оппозиции чешско-русских межъязыковых омонимов, отобранные нами вышеуказанным путем сплошной выборки из следующих словарей: 1. *Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie* (Vlček, J.); 2. *Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině* (Ivašina, N., Rudenka, A., Janovec, L.); 3. *Zrádná slova v polštině a češtině* (Lotko, E.). Мы остановили свое внимание на именах существительных и именах прилагательных. Выбор в пользу данных частей речи обуславливается тем, что, во-первых, одной из главных функций языка является номинативная (т.е. способность языковой системы называть и вычленять фрагменты действительности⁹⁴), которая в высокой степени реализуется посредством

⁹⁴ Малинка, А.В. Нагель, О.В. Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подходы. WWW: <<http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/16/image/16-044.pdf>>

имен существительных; во-вторых, за счет использования имен прилагательных текст приобретает точность, образность и эмоциональность.

При анализе каждой оппозиции мы приводим словарные значения лексем, контексты, взятые из национальных корпусов русского и чешского языков. Определяя этимоны, мы ссылаемся на этимологический словарь Фасмера⁹⁵, так как на сегодняшний день данная работа представляет самый объемный этимологический словарь русского языка и является авторитетной в языкознании. Что касается этимологических словарей чешского языка, при анализе мы используем словарь В. Махека, в котором содержится подробная информация о происхождении чешских лексем.

2.1. Быстрый – *bystrý*.

Семантическое значение русского слова: 1. «скорый, стремительный».⁹⁶

Семантическое значение чешского слова: 1. «(o člověku nebo duševní činnosti) který má dobrý postřeh, úsudek, snadno chápe, projevuje nadání»; 2. «(o smyslech) který rychle a dobře vnímá».⁹⁷

Русские контексты:

1. «...никакая сила не может остановить быстрого стремления сердца...»; «Быстро окинул он взорами все предметы; закрылся подушкой, как будто хотел скрыться от самого себя...»; «В ту самую минуту, когда он быстрыми шагами пробегал мимо сельской красавицы, красавица оглянулась»; «...она хватает их, прикладывает к устам своим, подымает томные глаза на небо — быстрый вздох вырывается из онемелого сердца ее и горячая слеза, пробиваясь по изгибам ее, смягчает, согревает ее...».⁹⁸

Чешские контексты:

1. «...zatímco velká lebka a zapadlé zářivé oči svědčily neméně jasně o bystré inteligenci, která jiskřila zpod hustých obočí...»; «Cožpak není možné, že jeho bystrý a přemýšlivý mozek vybuodoval tuto divokou teorii na falešných premisách?»; «Nic mne víc netěšilo než sledovat Holmese při jeho pátrání a obdivovat ho, jak bystrými úsudky , rychlými

⁹⁵ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Москва, 1964-73.

⁹⁶ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 64 стр.

⁹⁷ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 76 стр.

⁹⁸ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

jak náhlá vnuknutí, ale stavěnými vždy na logickém základě, řeší problémy...».

2. «Sherlock Holmes postřehl svým bystrým pohledem, čím se to zabývám, a když si povšiml, jak tázavě se na něj dívám, s úsměvem zavrtěl hlavou»; «Už se chtěli dát znovu na cestu, když nejmladší z nich, který měl nejbystřejší zrak, vykřikl a ukázal na rozeklané skalisko nad jejich hlavami». ⁹⁹

Этимология: от праславянского *быстръ*//. Данное слово не имеет соответствий за пределами славянских языков. ¹⁰⁰ О.Н. Трубачев указывает, что происхождение данного слова достаточно неопределенно и на сегодняшний день существуют различные способы его толкования. Так, например, М. Фасмер связывает данное слово с др.-исл. *bysia*, означающим «стремительно вытекать». ¹⁰¹ В чешском этимологическом словаре Махека (*Etymologický slovník jazyka českého*, 1997) утверждается родство с др.-инд. словом, которое означает «čilý, horlivě se stárá». «Původně se pravilo tedy o vlastnosti lidské, teprve přenesením též o rychlosti vodního roku». ¹⁰²

На примере вышеприведенных контекстов можно сделать вывод о том, что в русском языке лексема «быстрый» в своем плане содержания ассоциируется со скоростью скорее реальных физических действий. В чешском языке эти действия относятся к сфере ментальной, являются характеристикой интеллектуальной деятельности, человеческих чувств. Заметим также, что во второй дефиниции чешского слова присутствует определение «*rychlý*» (соответствие русскому «быстрый»). Таким образом, можно сказать, что в центре семантического поля этимона лексем «быстрый» и «*bystrý*» лежит понятие скорости. Быстрота в чешском понимании сближается с такими понятиями, как разум, ум, образованность, сообразительность, которые находятся на периферии семантического поля чешской лексемы. Однако в диахроническом корпусе чешского языка находим следующий контекст, относящийся к XVI в.: «Viděl - li by někdo ve spaní, an udělal rybník a uvedl do něho řeku aneb bystrý potok, ten bude se radovati v svém obchodu». ¹⁰³ В данном контексте план содержания лексемы «*bystrý*» полностью соответствует синхронному плану содержания русского слова. Тем не менее, ввиду того, что одинарный контекст не может послужить

⁹⁹ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.

¹⁰⁰ Трубачев, О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Том 3. Москва, 1976. 154 стр.

¹⁰¹ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 1. Москва, 1964. 259-260 стр.

¹⁰² Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1997. 78 стр.

¹⁰³ Český národní korpus - DIACORP. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.

аргументом для утверждения диахронической синонимии указанных лексем, мы склоняемся к тому, что оппозиция «быстрый – bystrý» представляет собой частичные межъязыковые омонимы, имеющие общее семантическое ядро и отличающиеся своими периферийными признаками. Семантическая дифференциация, вероятно, произошла в результате расширения семантического значения чешской лексемы «bystrý», которая стала обозначать признак душевного, ментального состояния и сообразительности.

2.2. Беспечность – bezpečnost.

Семантическое значение русского слова: 1. от беспечный: «беззаботный, легкомысленный».¹⁰⁴

Семантическое значение чешского слова: 1. «stav bez ohrožení»; 2. «zaručenost, ověřenost, jistota (zprávy, zdroje, informací ap.)».¹⁰⁵

Русские контексты:

1. «Эта его успокоенность, граничащая с беспечностью, в общем, мало понравилась командиру»; «...любое сопротивление гасло в равнодушии и беспечности его дремотного населения»; «Легкомысленная, летящая, завидная беспечность»; «...дни вынужденного бездействия пагубно отражаются на разведчиках, опутывая их опасной паутиной лени и беспечности».¹⁰⁶

Чешские контексты:

1. «...ostatní automobilky zákonem donuceny vybavovat své výrobky veškerým dostupným zařízením zvyšujícím bezpečnost provozu...»; «Bezpečnost žáků nám svěřených je nám vždy nadevše»; «Ale rád bych Výboru připomněl, že se dlouhá léta zabývám problémy bezpečnosti jaderných elektráren».

2. «...v oblasti bezpečnosti informací spousta volných míst a nedostatek kvalifikovaných lidí»; «Požádá - li ústecký krajský úřad o doplnění bezpečnosti zprávy».¹⁰⁷

Этимология: В старочешском языке можно встретиться с формой глагола «řeci sě», план содержания которой соответствует русской лексеме «заботиться». Корень печа-, согласно М. Фасмеру, связан с заботой, попечением (то же самое в чеш. лексеме

¹⁰⁴ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 43 стр.

¹⁰⁵ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 52-53 стр.

¹⁰⁶ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁰⁷ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

«рѣсе»¹⁰⁸. Однако с синхронной точки зрения семантика чешского «bezpečnost» соответствует понятиям безопасность, отсутствие угрозы. В русском языке семантика лексемы сближается с такими категориями, как равнодушие, спокойствие, легкомысленность. О.Н. Трубачев приводит примеры из чешских словарей, где среди остальных значений лексемы «bezpečný» указывается значение «беззаботный». В данном случае достаточно трудно предположить, почему произошла такая дифференциация изначально тождественных в плане содержания лексем «беспечность – bezpečnost». В семантике русского слова есть только «отсутствие забот», «отсутствие обязанностей», но не «отсутствие угрозы», что является главным семантическим наполнением чешской лексемы. Угрозу можно рассматривать как некоторую конкретизацию заботы, в связи с чем можно предположить, что в чешском языке произошло сужение семантического значения.

2.3. Влажный – *vlažný*.

Семантическое значение русского слова: 1. «пропитанный влагой, мокрый, сырой».¹⁰⁹

Семантическое значение чешского слова: 1. «*mírně teplý*»; 2. «*nedostatečně horlivý, trochu lhostejný*».¹¹⁰

Русские контексты:

1. «Чтобы как-то сократить число "влажных уборок", можно использовать специальный блеск»; «Если почвы сада сформированы на кислых породах во влажном климате, то их судьба предрешена»; «Порцию геля следует нанести на грязные руки и моющими движениями протереть, пока руки не станут влажными»; «Они лежали на самом берегу, прижимаясь к влажному от росы песку».¹¹¹

Чешские контексты:

1. «*Byl ten nebožtík vlažný, teplý, nebo studený?*»; «*Jardine se napil kávy, jež už byla jen vlažná*»; «*Popad sklenici a vypil vlažnej grog na ex*»;

2. «*Zákony - ty vlažné hrozby trestů, shovívavé zacházení se zločinci*»; «*přemýšlel s vlažným zájmem*»; «*A vlažný doporučující dopis od Lubella vydá za deset horlivých*

¹⁰⁸ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 254 стр.

¹⁰⁹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 85 стр.

¹¹⁰ *Slovník současné češtiny*. Brno, 2011. 923 стр.

¹¹¹ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

doporučení od méně známých osobností».¹¹²

Этимология: М. Фасмер ссылается на слово «волога», которое определяет, как «жидкость, жидкий жир как приправа; кушанье». Интересно, что слово в результате метафоризации и перенесения признака «влажности» стало обозначать пищу («вареная говядина, рыба и вообще приправа к щам, ухе, а также вареная жидкая пища»)¹¹³ К сожалению, взятые нами за основу этимологические словари не отражают причину, которая бы могла привести к синхронной межъязыковой омонимии в рамках оппозиции «влажный – vlážný». В центре общего семантического поля, исходя из старославянских корней, находится понятие «жидкий», а не «теплый». Вполне возможно, что речь идет о нескольких фазах семантических сдвигов в плане содержания чешской лексемы. Ведь в семантика русского слова содержит обозначение степени «мокроты», тогда как чешская лексема определяет температуру, степень теплоты. Русской лексеме «влажный» по плану содержания соответствует чешское «vlhký», являющееся однокоренным словом с «влажный» и «vlažný». Мы предполагаем, что в определенный момент произошло расщепление и обособление семантики чешской лексемы, которое впоследствии отразилось и на формальном уровне.

2.4. Власть – vlast.

Семантическое значение русского слова: 1. «право и возможность распоряжаться кем-нибудь или чем-нибудь, подчинять своей воле»; 2. «политическое господство, государственное управление и его органы».¹¹⁴

Семантическое значение чешского слова: 1. «rodná země»; 2. «krajina, kraj»; 3. «místo původu, výskytu».¹¹⁵

Русские контексты:

1. «Таким образом, отмечает газета, будет полностью завершён процесс передачи власти новому руководству КНР»; «Соответственно, есть множество категорий населения, которые, по определению, находятся вне власти банковских систем»; «величайшая власть в мире достанется ребёнку»;

2. «Пожалуй, кризис во взаимоотношениях с властью был у Чаплина»;

¹¹² Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.

¹¹³ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 1. Москва, 1964. 340 стр.

¹¹⁴ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 85 стр.

¹¹⁵ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 494 стр.

«...работу люди потеряют, если плохо будут работать, а не потому, что власть изменится»; «Власти Дубая и острова Мэн прилагают определённые усилия для привлечения офшорных компаний»¹¹⁶

Чешские контексты:

1. «naše velká vlast poskytuje útočiště cizincům»; «...lidé, kteří mají rádi svou vlast a nenadělají kolem toho moc řečí»; «Vlast je tam, kde je dobře»;

2. «Stačí, aby psal dostatečně mizerně, a může v téhle rozlehlé vlasti literárního jackpotu vyhrát a stát se uznávaným autorem»¹¹⁷; «Česká vlast nám Bohem dána, uhlím, rudou požehnána»; «...která jediná mohla vlast českou od záhuby odvrátiti»;

3. «Což mi probude, že sem opustil vlast svú a otcě a mateř...»¹¹⁸

Этимология: Как указывает В. Махек, изначально лексема «vlast» в чешском языке означала «то, čemu se vládne, oblast okolo hradu, která je pod mocí hradního pána».¹¹⁹ Впоследствии план содержания лексема сузился и появилось значение конкретной родной земли, территории, т.е. отечества («jednak domov(ina) v užším smyslu, tak na Chodsku, jednak společná domovská země, otcina, patria»). Взаимосвязь с семей «владение» проявляется и в образованном от чешского «vlast» имени прилагательном «vlastní»: «pův. zajisté to co náleží pod něčí vládu».¹²⁰

В свою очередь, русская лексема «власть» сохранила первоначальную сему «владение» в более широком понимании. Однако словари фиксируют и второе лексическое значение, на примере которого наблюдается семантическое сужение (власть как органы и представители государственного управления).

В центре семантического поля этимона чешского и русского слова находятся такие компоненты, как «управление», «владение», «правление», «контроль». В чешском языке произошло двойное семантическое сужение, конкретизация данного семантического поля (1. то, что находится под чьим-то владением; 2. vlast как родная земля, отечество). Книжным считается третье значение чешской лексемы («místo původu, výskytu»), которое семантически удалено от «владения», имеет данный

¹¹⁶ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹¹⁷ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹¹⁸ Český národní korpus - DIACORP. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹¹⁹ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 693 стр.

¹²⁰ Там же, 693 стр.

компонент скорее на периферии семантического поля. Территориальное значение проявляется в древнерусском слове «волость», которое означает «область, территория, государство».

2.5. Рыхлый – rychlý.

Семантическое значение русского слова: 1. «неплотный, рассыпчатый, пористый».¹²¹

Семантическое значение чешского слова: 1. «pohybující se s malou spotřebou času»; 2. «spěšný, chvatný, kvarný».¹²²

Русские контексты:

1. «Мальчик бросает снежки, стоя в рыхлом снегу»; «...поэтому высаживать их нужно не глубже первых настоящих листьев в рыхлую, хорошо удобренную почву»; «горизонт заслоняли рыхлые рыжие сопки»; «Местные белые грибы, в отличие от растущих на севере, ... имеют более длинную и более тонкую ножку, более рыхлую мякоть».¹²³

Чешские контексты:

1. «Položila mne na pohovku a rychlým vyšetřením se přesvědčila, že už mám neznatelný puls...»; «...plavba byla tentokrát nepoměrně rychlejší»; «Musíme chytit Najádu, a ta má pověst nesmírně rychlého plavidla»;

2. «Jízda byla ďábelsky rychlá, takže žaludek pasažérů byl chvíli někde v krku»; «...rychlým krokem se vydal dolů na Žižkov»; «dvěma rychlými skoky přiskočil k bičíku».¹²⁴

Этимология: М. Фасмер связывает происхождение лексемы «рыхлый» с «рух», «рушить».¹²⁵ Рух – «суматоха, волнение, тревога».¹²⁶ Его мнение разделяет и чешский исследователь В. Махек, который также считает этимологом лексем «суматоха» и «волнение». Махек отмечает, что синхронное значение чешской лексемы характерно только для западнославянских языков («Slovo v tom významu jen západoslovanské (rus. *rychlyj* кургý, суркý, нарř. о hlíně, о chlebě, о sněhu, nedá se s ním spojit, náleží k *ruch*,

¹²¹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 713 стр.

¹²² Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 370 стр.

¹²³ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹²⁴ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹²⁵ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 532 стр.

¹²⁶ Там же, 524 стр.

rušiti. Příbuzné je lit. *rušeti* býti plný čilosti a pohyblivosti, hemžiti se, býti činný». ¹²⁷ Из этого можно заключить, что план содержания чешской лексемы более близок к изначальному, чем в русском языке. Мы предполагаем, что периферийный элемент «беспорядочности» движения путем сужения семантического поля в результате привел к сегодняшнему лексическому значению слова «рыхлый». Нельзя считать верным утверждение о том, что данный пример межъязыковой омонимии возник в результате расщепления полисемического слова, поскольку динамичность движения находится уже в самом ядре семантического поля лексемы «рух», не является обособившейся периферийной семой.

2.6. Вонь – vůně.

Семантическое значение русского слова: 1. «отвратительный запах, зловоние».

128

Семантическое значение чешского слова: 1. «příjemný pach». ¹²⁹

Русские контексты:

1. «По их словам, жуткая вонь и спазмы в горле терзали домочадцев всю ночь напролёт, из-за чего они не могли спать»; «...ощутимы были там, для стреляющих, только как прогоркляя вонь»; «Галдёж и толчея подступов сменились толчей и вязкой вонью подземелья»; «Ужасающая вонь стояла в квартире». ¹³⁰

Чешские контексты:

1. «Skrze záclonu jako bych ucítil slabou vůni jasmínového čaje»; «Její plamen naplňoval vzduch jemnou aromatickou vůní»; «vzduch byl prosycen příjemnou vůní vlhké země»; «její přitisknuté tělo zavonělo čerstvě posečeným senem a sladkou vůní broskve». ¹³¹

Этимология: М. Фасмер указывает, что у древнерусского слова «воня» было два значения: 1. "благоухание", 2. "запах". ¹³² Но первоначальным значением, этимологом русского «вонь» и чешского «vůně» является компонент «запах», лежащий в центре семантического поля. «Запах» именно в понимании, характерном для русского языка,

¹²⁷ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 526-527 стр.

¹²⁸ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 95 стр.

¹²⁹ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 503 стр.

¹³⁰ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹³¹ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹³² Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 1. Москва, 1964. 349 стр.

т.е. «свойство чего-нибудь, воспринимаемое обонянием»¹³³, лишенное оценочной характеристики. В ходе сужения семантического значения (прошедшего абсолютно в противоположных направлениях) лексем «вонь» и «vůně» в русском и чешском языках возникли синхронные лексические значения. Заметим, что в древнерусском языке все-таки присутствовала положительная характеристика запаха, реализованная в плане содержания лексемы «воня» («воня живóтная блгоухáеть»¹³⁴). К синхронным межъязыковым омонимам относятся также рус. «запах» и чеш. «zápach», которые мы рассмотрим в следующем пункте.

2.7. Запах – zápach.

Семантическое значение русского слова: 1. «свойство чего-нибудь, воспринимаемое обонянием».¹³⁵

Семантическое значение чешского слова: 1. «nepříjemný pach».¹³⁶

Русские контексты:

1. «Позвонил он тогда, когда я уже начала забывать его голос, запах его волос, запах горячей от страсти кожи»; «По залу чувствуется запах горячего хлеба, курицы-гриль, свежесвепеченных тортов»; «Распахни свежевывмытые окна и впусти в дом запах весны, тающего снега и свежей мимозы»; «Имеет пряный тонкий запах, который, как говорят ароматерапевты, улучшает не только самочувствие, но и состояние больных»; «ещё долго в воздухе стойко держался неприятный запах».¹³⁷

Чешские контексты:

1. «vzduch byl prosycen podivně štiplavým, dehtovým zápachem»; «Skončilo to zápachem tak strašlivým, že mě vypudil z místnosti»; «Bylo cítit strašlivý, žaludek zvedající zápach»; «Odporný zápach bojuje se zápachem lihu a chloroformu».¹³⁸

Этимология: Здесь мы наблюдаем зеркально отраженную семантику по сравнению с оппозицией «вонь – vůně». М. Фасмер и В. Махек считают, что слово «пахнуть» восходит к «páchatí», «přív. asi „dýmati“ od pářiti»¹³⁹, «испускать дым, дымить

¹³³ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 218 стр.

¹³⁴ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search-beta.ruscorpora.ru/>>

¹³⁵ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 218 стр.

¹³⁶ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 546 стр.

¹³⁷ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹³⁸ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>

¹³⁹ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 426 стр.

(папиросой)»¹⁴⁰. В данном случае довольно сложно предположить, на каком основании и вследствие какого процесса произошел семантический сдвиг. Тем не менее, на примере синхронного семантического наполнения слов «запах» и «zápach» можно наблюдать сужение семантического значения в рамках чешской лексемы. Русское «запах» является нейтральным и, как указывалось нами выше, не содержит какую-либо оценку.

2.8. Враг – vrah.

Семантическое значение русского слова: 1. «человек, который находится в состоянии вражды с кем-нибудь, противник».¹⁴¹

Семантическое значение чешского слова: 1. «pachatel vraždy, úmyslného zabití člověka».¹⁴²

Русские контексты:

1. «Люди должны определиться, где их враги и где друзья и в чём их интересы»; «Невозможность напасть на обезьяну врасплох удерживает некоторых её врагов от нападения»; «Олигархи в современной России стали чуть не врагами народа»; «Генерал КГБ Калугин— хрестоматийный предатель, сдавший врагу товарищей по борьбе»; «Самые неукротимые хунны сбежали от врага далеко на запад, в Приуралье».¹⁴³

Чешские контексты:

1. «Jste ochoten také se stát chladnokrevným vrahem»; «A jestliže to nebyl jed, co způsobilo smrt člověka, když se na jeho těle nenašlo žádné zranění a když ho vrah nezardousil»; «Ze všech nejpodezřelejší se stala druhou obětí záhadného vraha»; «dejte jen pozor , aby ten šílený vrah či vražedkyně nezahubil vás».¹⁴⁴

Этимология: В чешской лексеме «vrah» реализуется значение «ubijice»¹⁴⁵. Как указывает В. Махек, данное слово является заимствованием из германских языков. Интересно, что древненорвежское однокоренное слово имеет более широкое значение («znamená i zločince, psance»). Важным является замечание, что «u Slovanů vrah je nejen

¹⁴⁰ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 221 стр.

¹⁴¹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 101 стр.

¹⁴² Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 499 стр.

¹⁴³ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁴⁴ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013 , dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹⁴⁵ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 698 стр.

ubijce, ale i vůbec veřejný, úhlavní nepřítel».¹⁴⁶ Делаем вывод, что в русском языке сохранилось более древнее семантическое значение лексемы, соответствующее значению в германских языках. В чешском языке произошло сужение семантического поля лексемы «vráh», которая приобрела более тесные границы и стала обозначать «убийцу».

2.9. Гвоздь – hvozd.

Семантическое значение русского слова: 1. «заострённый стержень, обычно железный, со шляпкой на тупом конце».¹⁴⁷

Семантическое значение чешского слова: 1. «velký, hustý les».¹⁴⁸

Русские контексты:

1. «Отвалилась плитка на кухне, сиротливо висит полотенце на старом гвозде»; «Гвоздь забили в бревно, затем вытащили его»; «В доску толщиной 5 см забили гвоздь длиной 10 см так, что половина гвоздя прошла навывлет»; «Иному нашему зеку проглотить гвоздь или гайку — чуть ли не удовольствие»; «Гвозди для крепления линолеума применять не стоит».¹⁴⁹

Чешские контексты:

1. «pojal ji hvozd v temný, tichý svůj klín»¹⁵⁰; «medvěd je běžný obyvatel hlubokých severských hvozdů»; «V tom kusu hvozdu byly prastaré stromy, obrovité buky s kmenem tak uzlovatým a tlustým, že by jej stěží objali tři muži»; «Ale cesta Temným hvozdem je tmavá, nebezpečná a obtížná».¹⁵¹

Этимология: Как указывает М. Фасмер, «Невероятно различное происхождение славянских слов со значениями "гвоздь" и "лес"».¹⁵² Значение «лес» предположительно является заимствованием из германских языков. Так, например, в древнеисландском языке слово «kuistr» означает «ветвь». В. Махек, в свою очередь, выделяет три значения чешской лексемы «hvozd»: pohorský les, sušírna (sladu u pivováře), hřeb.¹⁵³

¹⁴⁶ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 698 стр.

¹⁴⁷ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 128 стр.

¹⁴⁸ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 105 стр.

¹⁴⁹ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁵⁰ Český národní korpus - DIACORP. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹⁵¹ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹⁵² Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 1. Москва, 1964. 399 стр.

¹⁵³ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 192 стр.

Семантические отличия объясняются различным происхождением корней слова, которые совпали в имени существительном «hvozd». Заметим, что Махек приводит и синонимичное русскому значение лексемы. Мы считаем, что здесь наблюдается похожая ситуация, как у лексемы «бар», которая в результате заимствования из трех различных языков, формально совпала в русском языке и привела к появлению внутриязыкового омонима.

2.10. Rot – ret.

Семантическое значение русского слова: 1. «полость между верхней и нижней челюстями, снаружи закрытая губами».¹⁵⁴

Семантическое значение чешского слова: 1. «jeden ze dvou svalových útvarů tvořících ústa».¹⁵⁵

Русские контексты:

1. «Она начинает всхлипывать, обиженно кривит беззубый рот, хочет что-то сказать»; «Благодаря атмосферному давлению вода устремляется в эту область и попадает к нам в рот»; «Наши депутаты с пеной у рта спорят»; «Световой датчик подсказывает, когда поднести вилку ко рту»; «Сидят разинув рот и ждут, чтобы туда запихали готовое знание, пережёванное и переваренное».¹⁵⁶

Чешские контексты:

1. «Tentokrát se ženské domluvily, že si nalíčí rtu levnými rtěnkami»; «Na rtech se mu leskla zaschlá kapka krve»; «...zamumlal Christian, přestože měl rtu pevně sevřené»; «Jeho rtu se pohnuly».¹⁵⁷

Этимология: В древнерусском языке слово «ръть» имело значение «острие, клюв».¹⁵⁸ Говоря об этимологии чешской лексемы «ret», В. Махек подчеркивает, что в чешском «prosté ret přeneseno na pysk a povzneseno do ušlechtilé mluvy».¹⁵⁹ В чешском языковом корпусе можно обнаружить несколько контекстов XVI в., в которых лексема «ret» соответствует в плане содержания синхронному значению русского «рот»

¹⁵⁴ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 708 стр.

¹⁵⁵ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 352 стр.

¹⁵⁶ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁵⁷ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹⁵⁸ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 506-507 стр.

¹⁵⁹ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 513 стр.

(например, «Proč ret zapomněl modlení?»¹⁶⁰). Мы склонны предположить, что в ходе исторического развития в чешском языке произошел двойной семантический сдвиг: сначала путем метафоризации первоначальное центральное значение «клюв» перенеслось на человека и стало обозначать человеческий орган. Затем вследствие семантического сужения слово «ret» стало применяться при обозначении «губы», «отдельной полости». В русском языке произошел только первый процесс, который привел к появлению синонима к праславянскому слову «уста».

2.11. Жадный – žádný.

Семантическое значение русского слова: 1. «стремящийся к наживе, скупой».¹⁶¹

Семантическое значение чешского слова: 1. «vylučuje existenci osob nebo věci souhrnně (jako úplného souboru, celku) a zároveň jednotlivě».¹⁶²

Русские контексты:

1. «с витиеватыми подробностями рассказывал, какой я жадный: привез бутылку водки и взял с него за это деньги»; «Очевидно, как все дети, он был бессознательно жаден и глотал свой хлеб моментально»; «Неужели я и впрямь был так жаден и завистлив, и внешнее убранство играло такую роль в моей жизни?»; «Все кумовья настолько жадные, что своих денег добавить не хотят».¹⁶³

Чешские контексты:

1. «nikde v okolí bohužel nebyl žádný brašnář»; «Byl tehdy ještě mladík, žádný ostřílený kozák ošlehaný větry restauračních průvanů»; «Žádná kocovina , jen mám strašný hlad»; «je tu čisto, žádný nával a hlavně tu nezakazují kouřit».¹⁶⁴

Этимология: В. Махек подчеркивает, что происхождение лексемы «žádný» до сих пор остается неясной: «jeho význam se vyvinul z případů jako „i za žádného nepůjdu muž“ = ani za takového, který by byl (ode všech žen žádaný), (všem ženám) žádoucí, dokonalý, ani za nejlepšího...není však vyloučeno, že žádný přece jen pochází, jak někteří soudili z (n)i-že-jeden = „ani jeden“».¹⁶⁵ М. Фасмер связывает этимологию русской

¹⁶⁰ Český národní korpus - DIACORP. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013 , dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.

¹⁶¹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 192 стр.

¹⁶² Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 585 стр.

¹⁶³ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁶⁴ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013 , dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.

¹⁶⁵ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 721 стр.

лексемы «жадный» с глаголом «жадать» (желать, жаждать).¹⁶⁶ Стоит заметить, что две сравниваемые единицы с синхронной точки зрения относятся к разным частям речи – имя прилагательное «жадный» и местоимения «žádný». Данный пример не является примером семантической, а скорее грамматической омонимии. Однако в связи с неопределенностью происхождения чешской лексемы, мы не вправе утверждать, что лексемы произошли от общего корня.

2.12. Жаба – žába.

Семантическое значение русского слова: 1. «сходное с лягушкой бесхвостое земноводное с бородавчатой кожей».¹⁶⁷

Семантическое значение чешского слова: 1. «*obojživelník bez ocasu (např., skokan, ropucha, rosníčka)*».¹⁶⁸

Русские контексты:

1. «на ней безобразная маска — огромный носище и глаза, как у жабы»; «Лягушки, жабы, квакши, пипы, чесночницы... Их предки первыми на Земле научились издавать звуки».¹⁶⁹

Чешские контексты:

1. «*Oči mu vylezly z důlků jak žábě při kvákání*»; «*někdo může přijít , mávnout čarovnou hůlkou a proměnit člověka v žabu*».¹⁷⁰

Этимология: Праславянское *gēbā, по мнению В. Махека, изначально являлось звукоподражательным словом.¹⁷¹ Не вдаваясь в подробности биологии, мы предполагаем, что в данном случае речь идет об отличии гиперонима (чеш. žába) и гипонима (рус. жаба). В русском языке произошло сужение семантического поля, вследствие чего «жаба» стала обозначением лишь для конкретного вида земноводных животных.

2.13. Заказ – zázak.

Семантическое значение русского слова: от «заказать» 1. «поручить кому-

¹⁶⁶ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 2. Москва, 1967. 33 стр.

¹⁶⁷ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 192 стр.

¹⁶⁸ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 585 стр.

¹⁶⁹ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁷⁰ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013 , dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹⁷¹ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 721 стр.

нибудь изготовить, сделать что-нибудь»; 2. устар. «сделать недоступным, запретить».¹⁷²

Семантическое значение чешского слова: *od «zakázat»* 1. «vydat zákaz, nedovolit, zapovědět».¹⁷³

Русские контексты:

1. «советские организации могли заказать необходимые предметы интерьера»; «Если ты готова к экзотике, закажи суп из гусиной крови — чернину»; «Горбачев для себя и жены заказал спецмашины серого цвета»; «Там можно было заказать за те же деньги не один, а два приличных обеда»¹⁷⁴;

2. «Он же целоумень сталь, заплакавъ и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказал, что про меня не сказал никому»; «И во всем в Новѣгороде заказ, чтобы ништо никаков на пскович грамоток во Псков никаких, чтобы вѣсти не было во Пскове псковичем».¹⁷⁵

Чешские контексты:

1. «tajný kuřák měl tento zlozvyk ženou kategoricky zakázán»; «Jestliže však podobným lidem zakážeme někam přístup z požárně bezpečnostních důvodů»; «paní Calthropová povstala, zakázala další obřady».¹⁷⁶

Этимология: Согласно замечаниям В. Махека, можно сделать вывод, что в некоторых чешских диалектах проявляется схожее с русским семантическое значение «поручить» («*mog. zakázati poručiti, z. si objednat si*»)¹⁷⁷. Обе лексемы, чешская и русская, являются однокоренными (от слова «казать»). О.Н. Трубачев отмечает, что исходной для глагола «казать» является семантика «показывать, делать знак».¹⁷⁸ Значение «говорить» является уже вторичным. Синхронное отличие между «заказать» и «*zakázat*» связано с семантикой словообразовательных элементов, в частности, приставки *za-*. Тем не менее, как можно убедиться на примере контекстов и словарных статей, в обоих языках функционируют оба указанные значения слова. Безусловно, в данном случае можно говорить и о стилистических омонимах (русское «заказать»² и чешское диалектное «*zakázat*», семантически соответствующее «заказать»¹). На

¹⁷² Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 210 стр.

¹⁷³ *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, 2009. 539 стр.

¹⁷⁴ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁷⁵ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁷⁶ *Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>*.

¹⁷⁷ Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1997. 246 стр.

¹⁷⁸ Трубачев, О.Н. *Этимологический словарь славянских языков. Том 9*. Москва, 1983. 169-170 стр.

основании замечания О.Н. Трубачева можно предположить, что в основе общего семантического поля, этимона, лежит некий «знак», «жест», «команда».

2.14. Глагол – **hlahol**.

Семантическое значение русского слова: 1. «в грамматике: часть речи, обозначающая действие или состояние, выражающая это значение в формах времени, лица, числа (в наст. вр.), рода (в прош. вр.) и образующая формы причастия и деепричастия»; 2. устар. «речь, слово»¹⁷⁹

Семантическое значение чешского слова: 1. arch. «**hlaholení**».¹⁸⁰

Русские контексты:

1. «Этот глагол репрезентирует предложение и является его доминантой»; «Первый уровень иерархии занимает финитный глагол, выступающий в позиции сказуемого»; «Глагол "покатилась" и наречие "навзничь" изобразили графиню распростёртой на полу»;

2. «Се глагол грома, се смерть благоденствия твоего, се смерть твоей надежды!»;¹⁸¹ «И не божественный глагол, а притяжение земное...»; «Средь мира алчности и злобы Глаголом я не жег сердца».¹⁸²

Чешские контексты:

1. «Hala se naplnila hlaholem, jehož zdrojem byl hlavně obtloustlý pán»; «s hlaholem trub se ozvalo radostné volání»; «Za východu slunce se entí hlasy zvedly velikým hlaholem a pak opět utichly».¹⁸³

Этимология: Макс Фасмер считает, что в слове проявляется удвоенный корень, по-видимому, родственной слову «голос». Таким образом, устаревшее значение русской лексемы и синхронная семантика чешского слова сходятся. Однако как поступить с синхронным значением русского слова? М. Фасмер указывает, что грамматический термин является калькой из греческого языка (как и лат. *verbum*).

Итак, рус. «глагол»² и чеш. «**hlahol**»¹ имеют общую сему, общий этимон, который остался заметным и на сегодняшний день. Однако заметим, что, в отличие от

¹⁷⁹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 220 стр.

¹⁸⁰ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 99 стр.

¹⁸¹ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁸² Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁸³ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

устаревшего значения русского глагола, имеющего более обширное семантическое поле, в рамках чешской лексемы произошло небольшое сужение и ограничение на определенный тип звука. В словаре мы находим следующую дефиницию чешского глагола «hlaholit»: *zvučně, hlučně znít*. Звук имеет два определителя – звонкость и громкость. Русская лексема в значении² имеет очень ограниченную сферу использования, на примере контекстов заметно, что в основном данный план содержания реализуется в поэтической речи.

2.15. Грозный – *hrozný*.

Семантическое значение русского слова: 1. «суровый и жестокий»; 2. «закрывающий, выражающий угрозу».¹⁸⁴

Семантическое значение чешского слова: 1. «*děsný, strašný, vzbuzující hrůzu*».¹⁸⁵

Русские контексты:

1. «На место Геращенко пришёл соперник куда более грозный — это электорат»; «Грозный Мишель Глотц превратился в тихого Мими»; «И страшен этот Суд не тем, что Судья грозен, не тем, что закон суров, страшен этот Суд тем, что тогда откроется перед нами...»;

2. «И не грозное спокойствие противотанковой мины»; «Бедный старик не предвидел грозной бури, собиравшейся на седую голову его»; «Казалось, что небо позволило им наконец полное счастье и что грозные тучи не помрачат уже сего прекрасного дня».¹⁸⁶

Чешские контексты:

1. «*Zachvátila mě hrozná hltavost*»; «*Pak se ten člověk za hrozného, vzteklého řevu vyrvál Holmesovi z rukou*»; «*Vím samozřejmě, že je to ode mne hrozná troufalost, něco takového vám vykládat*».¹⁸⁷

Этимология: Сравнивая все оттенки значений лексемы «грозный» в славянских языках, О.Н. Трубачев характеризует значение чешского «*hrozný*» следующим образом: «ужасный, страшный, отвратительный».¹⁸⁸ Прилагательное является производным от

¹⁸⁴ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 265 стр.

¹⁸⁵ *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, 2009. 102 стр.

¹⁸⁶ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁸⁷ *Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha*. Cit.22.11.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹⁸⁸ Трубачев, О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Том 7. Москва, 1980. 144 стр.

«гроза», что в свою очередь первоначально представляет звукоподражание (сочетание звуков «г-р-г»), что подкрепляется О.Н. Трубачевым и М. Фасмером примерами из греческого языка, в котором подобное слово обозначает «страшный, ужасный».¹⁸⁹

Интересно то, что в русском языке качественная характеристика «грозный» относится прежде всего к характеру человека; обозначает, что человек «суровый», «строгий», «зловещий», «наводящий страх». Однако в чешском языке мы сталкиваемся с такими сочетаниями, где характеристика «hrozný» касается не только внутренних качеств, но может являться и оценкой внешних свойств («Svůj strnulý, hrozný obličej s kulatýma rybíma očima a odchlípeným horním rtem...»); («») Более того, будучи синонимом лексической единицы «strašný», чешское «hrozný» способно подразумевать и экспрессивно-положительное суждение о чем-либо («Pak následoval shag - panebože, při tom byla vždycky hrozná legrace, škoda že vy mladí už to neznáte...»). Все это говорит о сужении семантического значения в русском языке, где указанная лексема, имеющая в своей основе этимон «страх, ужас», обрела конкретное значение и распространяется исключительно на внутренние черты человека.

2.16. Крутой – krutý.

Семантическое значение русского слова: 1. «отвесный, обрывистый»; 2. «с резким, внезапным изменением направления».¹⁹⁰

Семантическое значение чешского слова: 1. «surový, neúprosný, tvrdý, ukrutný».
191

Русские контексты:

1. «В середине берегового выступа возвышалась крутая скала с тонкими, изогнутыми пальмами»; «Калюка бросилась с крутой скалы и разбилась»; «Крутой обрыв высотой около пятидесяти метров сложен из древнего девонского известняка»; «Затем, километрах в 12 от города, начинается длинный, но при этом не очень крутой подъём на наш первый перевал»;

2. «Медленней пусть ещё долгие годы Бричка нас катит дорогой крутой»; «ворвалась через служебный вход и побежала красивыми, стройными ногами вверх по

¹⁸⁹ Там же, 141 стр.

¹⁹⁰ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 318 стр.

¹⁹¹ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 152 стр.

крутой лестнице».¹⁹²

Чешские контексты:

1. «Horká léta se střídají s krutými a dlouhými zimami»; «...člověk odchází do mrazivého, krutého světa»; «Zkrvavené tělo tam nechali pro výstrahu všem příliš krutým zaměstnavatelům...».¹⁹³

Этимология: В. Махек, пытаясь определить первоначальное значение чешской лексемы «krutý», приводит довольно широкий синонимический ряд: «tuhý, tvrdý, namáhavý, nesnadný, obtížný (zápas, mráz, bol), přísný».¹⁹⁴ Махек также выдвигает гипотезу, которую рассматривает и О.Н. Трубачев, о связи лексемы «крутой» с глаголами «кряпать», т.е. «вертеть, крутить, поворачивать».¹⁹⁵ Таким образом, семантическим наполнением этимона является некий «поворот». Однако, тогда как на примере синхронного лексического значения русского слова еще можно просмотреть наличие данного семантического элемента, в чешском языке значение «surový, neúprosný, tvrdý, ukrutný» очень отдалено от него. Вероятно семантическое поле чешского слова возникло в результате метафоризации и перенесении определенных периферийных компонентов на характер человека.

2.17. Ласка – láska.

Семантическое значение русского слова: 1. «проявление нежности, любви, доброе, приветливое, нежное отношение».¹⁹⁶

Семантическое значение чешского слова: 1. «intenzivní, hluboký cit náklonnosti; milostný cit».¹⁹⁷

Русские контексты:

1. «добрые крестьяне приняли меня с дружелюбием, с ласкою, и я забыл свои горести...»; «Каждый день получал он одни досады, а брат его — нежные ласки»; «Ребёнок думает, что пока он находится в школе, им достаётся вся родительская любовь и ласка»; «...родители (и прежде всего отец) стараются не проявлять своей любви

¹⁹² Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁹³ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

¹⁹⁴ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 298 стр.

¹⁹⁵ Трубачев, О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Том 12. Москва, 1985. 146-147 стр.

¹⁹⁶ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 327 стр.

¹⁹⁷ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 335 стр.

слишком явно, считая, что нежность и ласка просто неуместны». ¹⁹⁸

Чешские контексты:

1. «Jenomže láska je věc citu...»; «Mé sympatie a láska bezděčně mířily k ní...»; «...žádné otázky lásky či smrti či debaty o velkých německých básnících»; «Žádného z těchto předpokladů snad s výjimkou lásky ke koním, jsem jako profesionální fotograf nemohl využít». ¹⁹⁹

Этимология: В. Махек при разборе этимологии данного слова исходит из глагола «ласкать», которое, по его мнению, «znamená jednak lichotiti, jednak mazliti se, stpol. i hladiti». ²⁰⁰ О.Н. Трубочев придерживается точки зрения, что лексема «ласка» является субстантивированным прилагательным. ²⁰¹ Из их анализа становится очевидно, что корень данного слова является общеевропейским. Однако, в очередной раз, отсутствует единая точка зрения на первоначальное значение корня слова.

Заметим, что в русских контекстах разграничиваются лексемы «любовь» и «ласка», что свидетельствует о том, что они не являются синонимами. Но тем не менее, существует много общего семантического наполнения, приближенного к центральной части семантического поля данных лексем. В русском языке «ласка» является смежной с понятиями «дружелюбие», «нежность», «любовь». В чешском контексте подчеркивается суть «láska» как чувства, смежного с симпатиями. На наш взгляд, главное семантическое отличие между двумя лексемами состоит в степени интенсивности, содержащегося в ядре их семантического поля. Можно также предположить, что мы вновь имеем дело с оппозицией «гипероним – гипоним», в которой функции гиперонима принимает чеш. «láska», тогда как гипонимом, т.е. составляющей семантически более насыщенного плана содержания, является рус. «ласка». Исходя из этого и значений данного корня в остальных славянских языках, не имеющего такой интенсивности, как в чешском, мы считаем, что в чешском языке произошло расширение семантического поля лексемы, охватившего больший спектр эмоций и чувств.

2.18. Мех – mech.

Семантическое значение русского слова: 1. «густой волосной покров

¹⁹⁸ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

¹⁹⁹ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²⁰⁰ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 321 стр.

²⁰¹ Трубочев, О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Том 14. Москва, 1987. 36 стр.

животного, шерсть»; 2. «выделанная шкура животного с сохранённым волосяным покровом».²⁰²

Семантическое значение чешского слова: 1. «drobné zelené výtrusné rostliny tvořící nízké měkké porosty, s výraznou schopností zadržovat vodu».²⁰³

Русские контексты:

1. «Из воды на Волка глянул хмурый седой Волк с пучками меха в ушах...»; «Китайская бесполоя пехора на грубом собачьем меху»; «Он был серый, как нелинявший заяц, — тёмная спина цвета осиновых серёжек, а на животе мех светлый, облачный».

2. «50 рублей деньгами, шуба на меху стоимостью в 120 руб. и пимы сибирские стоимостью 5 руб»; «Точнее от подземного перехода, в котором торговали сувенирами из меха»; «Ещё губка комплектуется съёмным мешочком из искусственного меха для полировки».²⁰⁴

Чешские контексты:

1. «Betonová obruba byla pokryta zahnědlým uschlým mechem»; «Nechal ji spadnout na mechem porostlou zem»; «...před nimi se otevřela pláň, porostlá schnoucí ostřicovitou trávou a mechem»; «...tvořila jakou rokli s plochým dnem, porostlým hustým drnem a mechem».²⁰⁵

Этимология: В. Махек указывает, что изначально корень слова обозначал „drobounké chuchvalky reří, chloupků apod.“²⁰⁶ Нужно оговориться, что этимологически родственными считаются слова «мех» и «měch», а не «mеш», что тем не менее не исключает влияния на межъязыковую интерференцию. Слова происходят от двух разных корней. Часто «мех» с точки зрения диахронии бывает связан с мешками или плетеными корзинами.²⁰⁷ Возможно, путем расширения семантического поля, в русском языке от обозначения мешка семантика перешла к универсальному обозначению шкуры животных.

В процессе чередований в корнях общеславянских слов произошло различие

²⁰² Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 363 стр.

²⁰³ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 369 стр.

²⁰⁴ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁰⁵ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²⁰⁶ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 358 стр.

²⁰⁷ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 2. Москва, 1967. 612 стр.

корневой гласной в слове «мох» и «mesch» в чешском и русском языках. В рамках оппозиции «мех – mesch» мы имеем дело с чисто фонетическими омонимами, которые не имеют ничего общего с диахронной точки зрения.

2.19. Мрак – mrak.

Семантическое значение русского слова: 1. «глубокая, непроглядная тьма».²⁰⁸

Семантическое значение чешского слова: 1. «*útvár z vodních částic na obloze*».²⁰⁹

Русские контексты:

1. «Для горестной души есть какое-то удовольствие во мраке вечера»; «Во мраке ночи отражается страшная бледность лица, на котором замерло отчаяние»; «При сей мысли весь мрак, окружавший меня, рассеялся».²¹⁰

Чешские контексты:

1. «Po obloze pomalu plynul těžký mrak»; «Hřibovitě tvarovaný mrak by tu vypadal naprosto přirozeně»; «Slunce mezitím prorazilo skrz mraky»; «...skupinky procházející chodbou, mraky plující po obloze i letadla na nebi».²¹¹

Этимология: Согласно В. Махеку, в древнечешском языке «mrak» обозначал то же, что и лексема «мрак» в современном русском языке. Более того «mrak» использовался для обозначения обморока („stč. temno, nyní mdloba... Původní význam byl temno v přírodě, přeneseno na ztrátu vědomí“).²¹² Корень -мор- / -мар- связан с темным цветом.²¹³ С темнотой связаны значения данной лексемы и во многих других славянских языках (этимон – темнота, мгла, туман).²¹⁴ В случае оппозиции «мрак – mrak» очевидно произошло сужение семантического поля в рамках чешской лексемы, которая по принципу внешнего сходства в плане содержания получила значение «туча».

2.20. Наглый – náhlý.

Семантическое значение русского слова: 1. «дерзко беззастенчивый, бесстыдный».²¹⁵

²⁰⁸ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 377 стр.

²⁰⁹ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 393 стр.

²¹⁰ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²¹¹ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²¹² Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 378 стр.

²¹³ Трубачев, О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Том 19. Москва, 1992. 238 стр.

²¹⁴ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 2. Москва, 1967. 657 стр.

²¹⁵ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 387 стр.

Семантическое значение чешского слова: 1. «*udávající se rychle, bez varování*».²¹⁶

Русские контексты:

1. «Наглые взрослые мужики поубивали друг друга при попытке перегрызть друг другу глотки»; «На смену пришёл молодняк— жёсткий, наглый, не считающий нужным прятаться»; «Мы должны быть наглыми, дерзкими и голодными»; «открытая демонстрация свирепой похоти "безрассудной, наглой, обозлившейся женщины", обозлившейся, разумеется, на Марка Целия...».²¹⁷

Чешские контексты:

1. «*projevoval sklon k náhlým záchvatům divokého hněvu*»; «*Div při tom náhlém šoku neomdlel, ale kousl se do rtu a zařal ruce v pěst*»; «*Náhlou smrtí Jeffersona Hopa...*»; «...*vrhne se z náhlého popudu k něčemu, čeho si nejvíc cení*».²¹⁸

Этимология: Изначально древнерусское слово «наглый» обозначало «быстрый, скорый».²¹⁹ Семы этимона «скорость», «быстрота», «резкость» подтверждает и Махек, говоря о том, что в начале «*náhlý*» имело значение «*prudký, prchlivý, spěšný, pak i nenadálý...* V ruštině dospělo až k významu *smělý, drzý*».²²⁰ Из замечаний Махека становится очевидно направление семантического сдвига в плане содержания данной лексемы. Заметим, что еще в XIX веке в русской литературе используется оборот «наглая смерть», в котором отнюдь не подразумевается наглость в современном ее понимании, а как раз в изначальном, т.е. с центральными семами «резкости», «скоропостижности» и «неожиданности» (А. П. Чехов. Степь (1888): «Смерть ничего, оно хорошо, да только бы, конечно, без покаяния не помереть. Нет пуще лиха, как наглая смерть. Наглая-то смерть бесу радость»)²²¹ В русском языке произошел семантический сдвиг в плане содержания лексемы «наглый», заключающийся в расширении ее семантического поля. В свою очередь, в чешском языке сохранилось изначальная семантика слова «*náhlý*».

2.21. Награда – *náhrada*.

Семантическое значение русского слова: 1. «то, что даётся, получается в знак

²¹⁶ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 393 стр.

²¹⁷ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²¹⁸ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²¹⁹ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 36 стр.

²²⁰ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 409 стр.

²²¹ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

особой благодарности, признательности».²²²

Семантическое значение чешского слова: 1. «zaplacení škody, ztráty»; 2. «osoba nebo věc braná nebo dávaná místo jiné».²²³

Русские контексты:

1. «Лучшая для меня награда была бы любовь прекрасной Татьяны»; «Королева Елизавета вручит ему награду за огромный вклад в развитие британской киноиндустрии»; «Решение принято, награды вручены, победители счастливы»; «Командир лучшего танкового полка... получил в награду от Кремля десять лет строгого режима».²²⁴

Чешские контексты:

1. «...objasňoval mu zásady náhrady škod zvěři Bořivoj»; «A podruhé chtěl slyšet, co jsem zařídil v záležitosti Barleyho finančních náhrad, včetně podpory jeho firmy...»; «Vláda vám samozřejmě poskytne náhradu»;

2. «Ví, že na svém místě bude sedět jen několik měsíců, než najdeme za Foota vhodnou náhradu»; «Vybuchl jim ale kontakt a teď se shání náhrada».²²⁵

Этимология: Макс Фасмер в своем словаре приводит двойную точку зрения на происхождение лексемы «награда». Сначала, ссылаясь на Миклошича, он указывает, что слово могло возникнуть от *nagorditi, т.е. «пожаловать градом, городом». Но, не соглашаясь с данной точкой зрения, Фасмер говорит о том, что это скорее всего отглагольное имя существительное от *nagorditi, т.е. «наложить кучей».²²⁶ Стоит заметить, что сема «дар» присутствует до сих пор (хотя в чешском языке в меньшей степени) в обоих языках. Вероятно такое расхождение в плане содержания рус. «награда» и чеш. «náhrada» связано с расщеплением семантического поля и обособления отдельных сем, которые стали самостоятельно развиваться в языках.

2.22. Овоци – ovoce.

Семантическое значение русского слова: 1. «выращиваемые на грядках

²²² Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 387 стр.

²²³ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 393 стр.

²²⁴ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²²⁵ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²²⁶ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 37 стр.

корнеплоды, луковичные, листовые и некоторые другие растения, а также сами их плоды».²²⁷

Семантическое значение чешского слова: 1. «jedlé plody (zejm. stromů a keřů), zprav. sladké, požitelné za syrova».²²⁸

Русские контексты:

1. «Снять крышку и готовить ещё около 15 минут, пока овоци не станут слегка коричневыми»; «Простой салат из овощей превратился в изысканное блюдо, ведь туда добавили кальмары»; «Вечером Кямал появился у Ирины — с натюрмортом из сезонных овощей и фруктов».²²⁹

Чешские контексты:

1. «všude je plno tropického ovoce»; «Ale přinesli vám z paláce koš s ovocem»; «...za chvíli jsme byli v zahradě, kde na stromech místo ovoce visely knihy a sešity a tužky»; «ještě trochu poprášený cukrem zbytek proslazeného ovoce».²³⁰

Этимология: Данная лексема является заимствованием из германских языков. «Ovoce je tedy zvláštní „výrůstek“».²³¹ Не поддерживает эту точку зрения М. Фамер, указывая, что «широкое распространение в славянских языках делает совершенно невероятным происхождение» из германских языков.²³² Довольно тяжело в связи с разногласиями по вопросу о происхождении лексемы определить, какой вид семантического сдвига произошел в рамках данной пары межъязыковых омонимов. Вслед за Махеком, мы предполагаем, что изначально в семантическом ядре этимона «овощ» находилась сема, обозначающая «плод». Плод как некий абстрактный предмет, без уточнений способов и условий его роста и т.д. Впоследствии периферия семантического поля стала пополняться различными дополнительными значениями, что по прошествии некоторого времени определило сегодняшнюю разницу в плане содержания между рус. «овощ» и чеш. «ovoce».

²²⁷ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 454 стр.

²²⁸ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 393 стр.

²²⁹ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²³⁰ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²³¹ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 424 стр.

²³² Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 115 стр.

2.23. Час – čas.

Семантическое значение русского слова: 1. «промежуток времени, равный 60 минутам, одна двадцать четвёртая часть суток».²³³

Семантическое значение чешского слова: 1. «souvislá řada okamžiků (měřena roky, dny atd.)».²³⁴

Русские контексты:

1. «Проводить несколько часов в этой роще было первым наслаждением души ее...»; «Через два часа лошади были готовы»; «Она то и сделала, но ей сказали, что он час тому назад уехал неизвестно куда».²³⁵

Чешские контексты:

1. «Dejte si pauzu, je čas něco posvačit»; «Hajný věnoval jeho lovu všechnen svůj volný čas»; «V dobré zábavě čas plynul jako voda»; «Však již bylo na čase, že se to počasí zlepšilo».²³⁶

Этимология: Принято считать, что данное слово появилось в славянских языках путем заимствования из германских (в частности, древнепрусского).²³⁷ Г. Якобсон восстанавливает первоначальное значение слова – «нарезка».²³⁸ В этой связи мы не имеем право утверждать, каким способом первоначальное значение перенеслось на обозначение категории времени, точнее одного из ее отрезков. Ведь раньше и в чешском языке «čas» обозначал «час» в современном русском понимании (чеш. «hodinu»)²³⁹ Махек высказывает мнение, что изначально «час» обозначал течение, движение времени («pův. označoval nejprve běh, plynutí času, jak se jeví v rychlé proměně všeho, a nikoli konkrétní „dobu“; je tedy asi odvozeno od česati, spěchatí».²⁴⁰ Это второе мнение, которые не совпадает с мнением М. Фасмера.

Несмотря на трудности, вызванные определением первоначальных семантических сдвигов, на основании синхронной семантики представленных лексем можно констатировать, что в чешском языке произошло расширение семантического

²³³ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 909-910 стр.

²³⁴ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 92 стр.

²³⁵ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²³⁶ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²³⁷ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 4. Москва, 1973. 318 стр.

²³⁸ Там же, 318 стр.

²³⁹ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 95 стр.

²⁴⁰ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 95 стр.

поля лексемы «čas», которая отошла от обозначения отдельного промежутка времени и приобрела семантику абстрактной категории – времени.

2.24. Черствый – čerstvý.

Семантическое значение русского слова: 1. «засохший и твёрдый».²⁴¹

Семантическое значение чешского слова: 1. «nedávno vzniklý, vyrobený, oprařený».²⁴²

Русские контексты:

1. «давать ему холодный плов и чёрствый хлеб»; «Попадались и горбушки чёрствого пайкового хлеба»; «Утром она взяла у хозяев кипятку, чай насыпала прямо в стакан, нашли в столе кусок булки, довольно чёрствой...».²⁴³

Чешские контексты:

1. «Nebe čisté, slunce jiskří na čerstvém sněhu, inu krása !»; «A tak se hajný Vítězslav ocitnul na čerstvém vzduchu»; «Většinou od něj mívám čerstvou rybu na Vánoce»; «Za pár dní jsme si chodili pro čerstvé pečivo už rovnou do kuchyně».²⁴⁴

Этимология: Во многих славянских языках план содержания лексемы «черствый» состоит из компонентов: быстрый, ловкий, проворный.²⁴⁵ Однако, как указывает О.Н. Трубачев, это значение лексемы вторично. В основу слова лег глагол, обозначающий «резать, проводить черту». «Это прзначение «бить, ударять» вполне могло породить значение прилагательного „твёрдый, жесткий, ядреный, ссохшийся, черствый“.²⁴⁶ Утверждая вторичность значения «быстрый, ловкий», О.Н. Трубачев, тем не менее, не дает никаких разъяснений по поводу подобной вторичности.

В. Махек говорит о двойном значении данного имени прилагательного: „1. čilý, hbitý; 2. tvrdý, pevný, pův. vzrostlý, dospělý, mohutný, silný, velký, vysoký, starý, dovedný (obratný, zběhlý, zručný), radostný, přívětivý, hrdý.“²⁴⁷ Очевидно, что мы имеем два полярных взгляда на первоначальное значение исследуемой лексемы. Ясность в

²⁴¹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 914 стр.

²⁴² Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 95 стр.

²⁴³ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁴⁴ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²⁴⁵ Трубачев, О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Том 4. Москва, 1977. 159-160 стр.

²⁴⁶ Там же, 159-160 стр.

²⁴⁷ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 98-99 стр.

происхождение и развитие семантики слова не привносит и М. Фасмер.²⁴⁸

К сожалению, основания для семантического сдвига в данном случае настолько завуалированы и неопределенны, что мы не решаемся вынести свои предположения.

2.25. Позор – pozor.

Семантическое значение русского слова: 1. «бесчестье, постыдное, унижительное положение».²⁴⁹

Семантическое значение чешского слова: 1. «soustředění smyslu nebo rozumu na vnímavou věc».²⁵⁰

Русские контексты:

1. «Это позор нашей страны, позор государства, в котором всякое отребье устроено в сто раз благополучнее врача»; «Раньше такое считалось позором, сейчас— норма»; «Деньги кончатся — позор останется!».²⁵¹

Чешские контексты:

1. «Zato museli dávat bedlivý pozor chodci, kteří se mu připlétli do cesty»; «Pozor, začínáme!»; «Strážci se postavili do pozoru»; «přitom musela dávat pozor, aby jí nevypadly i ty ostatní».²⁵²

Этимология: Этимологический словарь М. Фасмера указывает, что первоначальным значением слова «позор» являлось «внимание, сенсация».²⁵³ Данное утверждение позволяет нам констатировать, что чешский язык сумел сохранить и по сей день активно использует древний план содержания лексемы «rozog». Слово образовано от таких корней, как зреть, взор.

Ввиду отсутствия комментариев к данному слову в словарях В. Махека и О.Н. Трубочева, мы вынуждены опираться на сведения М. Фасмера. Итак, на основании указанного этимона можно сделать вывод, что в результате расщепления и обособления отдельных сем семантического поля с ядром «внимание», «сенсация» возникла межъязыковая омонимия лексемы «позор» в чешском и русском языках. Причем

²⁴⁸ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 4. Москва, 1973. 347 стр.

²⁴⁹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 565 стр.

²⁵⁰ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 601 стр.

²⁵¹ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁵² Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²⁵³ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 303 стр.

необходимо заметить, что в чешском языке семантические характеристики слова остались наиболее близки к первоначальному значению.

2.26. Пресный – přesný.

Семантическое значение русского слова: 1. «без соли или с недостаточным количеством соли (а также кислоты, остроты)».²⁵⁴

Семантическое значение чешского слова: 1. «souhlasící v podrobnostech se skutečností».²⁵⁵

Русские контексты:

1. «На протяжении миллионов лет под толщей песка скапливались громадные запасы пресной воды»; «четверо моряков оказались в спасательной шлюпке без еды и пресной воды»; «Пресное тесто — оно пресное и есть, а кислое — кислое».²⁵⁶

Чешские контексты:

1. «Přesný čas tahu záleží na počasí a větru»; «Lomalova charakteristika byla přesná, jako moje dedukce»; «Úvahy byly přesné a bystré»; «Obávám se však, že nepřinášejí vždy tak přesné zprávy, jak by si bylo přát».²⁵⁷

Этимология: Вацлав Махек в своем «Этимологическом словаре чешского языка» указывает, что изначально слово «пресный» относилось исключительно к пище, а точнее к хлеб, и означало «nekvašený (o chlebě)...přesné proti kvašenému je nezměněné, pravopodstatné, čisté».²⁵⁸ Поэтому постепенно, вследствие увеличения семантического поля, ядро плана содержания чешской лексемы стали наполнять такие характеристики, как правильность, неоскверненность, обстоятельность и т.д. («správný, neporušený, zevrubný, výstižný, dochvilný atp.»). В. Махек также констатирует, что у остальных славян (кроме чехов) слово используется только в первоначальном значении («neporušený kysáním, kvašením nebo jinými procesy, tedy čerstvý...»)²⁵⁹.

²⁵⁴ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 602 стр.

²⁵⁵ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 650 стр.

²⁵⁶ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁵⁷ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²⁵⁸ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 491 стр.

²⁵⁹ Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997. 491 стр.

2.27. Родина – rodina.

Семантическое значение русского слова: 1. «отечество, родная страна».²⁶⁰

Семантическое значение чешского слова: 1. «základní společenská jednotka tvořená dvojicí manželů nebo rodičů s dětmi; skupina lidí spřízněných pokrevně nebo sňatky».²⁶¹

Русские контексты:

1. «В отчаянии, горести Марья оставила отца, мужа, родину»; «Будем и дальше добиваться скорейшего возвращения россиян на Родину»; «Гвардейцы и сейчас служат образцом беззаветной преданности Родине».²⁶²

Чешские контексты:

1. «A dodnes státní hajný přimhouří obě oči, jde - li o chudou rodinu s více dětmi»; «Horší než třídní boj hlásající pseudopankáč z buržoazní rodiny bývá už jenom radikální študák tvrdošijně skandující hesla»; «Během večera se tam postupně sešla celá rodina - tři synové , zeť a bůhví kolik bratranců , strýců atd .»²⁶³

Этимология: Словарь М. Фасмера содержит замечание о том, что лексема «родина» (произведенная от «род») в значении «родная страна, отечество» впервые встречается у Державина.²⁶⁴ Трудно сказать, было ли это окказиональным авторским использованием и сдвигом семантики, или же все-таки Державин только отразил разговорную тенденцию своего времени на письме. В центре этимона стоит «род», от которого отделились две «ветви» семантического развития слова. Одна ветвь осталась у чего-то более конкретного, т.е. семьи, тогда как другая включила в свое семантическое поле абстрактное понятие «отечество».

2.28. Змея – zmije.

Семантическое значение русского слова: 1. «пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, часто с ядовитыми железами в пасти».²⁶⁵

Семантическое значение чешского слова: 1. «jedovatý had s klikatou tmavou čarou

²⁶⁰ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 704 стр.

²⁶¹ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 692 стр.

²⁶² Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁶³ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013 , dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²⁶⁴ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 491 стр.

²⁶⁵ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 470 стр.

na hřbetě».²⁶⁶

Русские контексты:

1. «Вокруг его босой ноги обвивалась огромная чёрная змея»; «Его шнур извивался, как змея — шур. шур. шур...».²⁶⁷

Чешские контексты:

1. «mám tady v tomhle pytli zmiji»; «Věděla moc sama dobře, kdy tu malou kovovou zmiji znovu odjistil»; «Dlouho uspané zmije pohnuly hlavičkami a tiše zasyčely»; «První arafon , který onehdy Arabela vyzkoušela na zmiji a užovce».²⁶⁸

Этимология: М. Фасмер констатирует, что слово «змея» восходит к «земле». Таким образом, отмечается табуистическая природа названия, т.е. «земной, ползающий по земле».

Отметим, что в рамках данной оппозиции речь идет снова о противопоставлении гиперонима и гипонима, как мы уже видели на примере *žába* - жаба). Но на этот раз сужение семантического поля произошло в чешском языке, где «*zmije*» стала обозначать конкретную разновидность змей (рус. гадюку). Заметим также, что в исследуемых языках совпадает использование данной лексемы в ее переносном значении (т.е. «злой и язвительный человек»²⁶⁹: «Марфа-раскольница (Нина Терентьева), которую бросивший ее возлюбленный не называет иначе, как «ведьма» и «змея»...»²⁷⁰; «...ačkoli se na první dojem chovají velice příjemně a přátelsky. Jsou ale zmije».²⁷¹

2.29. Сон – sen.

Семантическое значение русского слова: 1. «наступающее через определённые промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние

²⁶⁶ Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009. 572 стр.

²⁶⁷ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁶⁸ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013 , dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.

²⁶⁹ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 773 стр.

²⁷⁰ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁷¹ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.22.11.2013 , dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.

раздражения»; 2. то, что снится, грезится спящему, сновидение.²⁷²

Семантическое значение чешского слова: 1. «*série představ, obrazů vybavujících se ve spánku*»; 2. *toužebné přání, které je zpravidla nesnadno uskutečnitelné*.²⁷³

Русские контексты:

1. «Сон это или смерть, — думает он, — пробуждаюсь я или воскресаю?»; «Однажды после беспокойного сна я встал очень рано»; «После обеда огорченный старец вкусил минуту сна и спокойствия»;

2. «Ричард Фрэнсис Бертон знал более 30 языков, на 16 он видел сны»; «По воспоминанию современника N торжественное оправдание Веры Засулич происходило как будто в каком-то ужасном, кошмарическом сне».²⁷⁴

Чешские контексты:

1. «*Šel jsem pár metrů a už se mi to zdálo jako ve snu*»; «*už jsem byl uprostřed krásného snu*»; «*Ani ve snu ho nenapadlo, co těch jeho několik v recesi vyřčených slov způsobí*»

2. «*Kamarád říká, že všechny lidské zvyklosti, naděje, сны, smutky ... všechno je vystavené v té jediné místnůstce*»; «*A hezká Alice Blakeová, pobledlá z neustálé zamilovanosti, se utápí ve snech o "opravdové lásce"*».²⁷⁵

Этимология: «Сон» является однокоренным с глаголом «спать».²⁷⁶ В праславянском языке «*sen*» / «сон» имел такое значение, которое выделяется под первым пунктом у русской лексемы (чеш. эквивалент *spánek*).²⁷⁷ Для обозначения того, что мы видим в процессе сна (значения рус. 2 и чеш. 1), использовалось другое слово («*съпње*»). Однако слово постепенно исчезло, и его семантика перешла на лексику «сон», тем самым расширив ее семантическое поле. В целом можно сказать, что охват семантического поля русской лексемы шире, чем у чешской, поскольку русский «сон» одновременно обозначает как сам процесс, так и конкретные образы и истории, которые сняты по ночам. Но семантика чешской лексемы «*sen*» уникальна тем, что она включает в себя и сны наяву, т.е. мечты. Таким образом, русское слово смогло сузить

²⁷² Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 773 стр.

²⁷³ *Slovník současné češtiny*. Brno, 2011. 733 стр.

²⁷⁴ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁷⁵ *Český národní korpus - SYN*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²⁷⁶ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 3. Москва, 1971. 716-717 стр.

²⁷⁷ Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1997. 491 стр.

свое семантическое поле на конкретные образы, возникающие при ночном отдыхе, сохранив при этом и более широкое значение процесса сна. Чешская лексическая единица осталась при конкретном значении, но охватила и сны дневные, для обозначения которых в русском языке существует слово «мечты».

2.30. Ужас – úžas.

Семантическое значение русского слова: 1. «чувство сильного страха, доходящее до подавленности, оцепенения».²⁷⁸

Семантическое значение чешского слова: 1. «silné překvapení».²⁷⁹

Русские контексты:

1. «Как пораженные, отступили друг от друга в ужасе»; «Наконец, открыв глаза и посмотрев вокруг себя с ужасом, она сказала»; «Клийстерс смотрит на другую сторону корта с ужасом, она не понимает, что происходит — а счёт уже 5: 5».²⁸⁰

Чешские контексты:

1. «Když však pohlédl dolů, ke svému úžasu uviděl, že na zemi leží na břiše jakýsi muž s roztaženýma rukama i nohama»; «V úžasu, že vás tam tak neočekávaně vidí, mohl i rozhodit ruce»; «K mému úžasu mu Barley vyhověl»; «Němčímě úžas a nadšení jeho věrné stárnoucí majitelky mi všechnu tu námahu vynahradily».²⁸¹

Этимология: Оба слова обозначают эмоцию, при этом довольно разную по своей интенсивности. «Ужас» в русском понимании всегда связан с переживанием большого страха, который ведет к ступору, оцепенению. С точки зрения чешского «úžasu» речь идет о менее сильную эмоцию, которая связана не со страхом, а с удивлением от чего-то неожиданного. Как замечает М. Фасмер, найти корни происхождения этого слова достаточно тяжело, возможно оно имеет родственную связь со словом «гасить».²⁸² Тем не менее, мы предполагаем, что разница в степени интенсивности эмоции связана с отделением и самостоятельным развитием периферийных значений семантического поля слова в рамках каждого из двух языков

²⁷⁸ Ожегов, С.И. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1993. 857-858 стр.

²⁷⁹ Slovník současné češtiny. Brno, 2011. 899 стр.

²⁸⁰ Национальный корпус русского языка. WWW: <<http://search.ruscorpora.ru/>>

²⁸¹ Český národní korpus - SYN. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Cit.06.05.2013, dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz/>>.

²⁸² Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 4. Москва, 1973. 151 стр.

Заключение.

Одной из проблем переводоведения и смежных с ним наук является интерференция. Главную причину интерференции представляют межъязыковые омонимы. Одной из главных причин такой интерференции являются межъязыковые омонимы. В наше время, когда большинство людей на земле знают, как минимум, два языка, проблематика сосуществования языков является довольно актуальной. Наиболее остро тема языковой интерференции, а в частности межъязыковых омонимов ощущается в рамках близкородственных языков, например, славянской группы.

В нашей бакалаврской работе мы попытались рассмотреть чешско-русские межъязыковые омонимы, относящиеся к именным частям речи, с точки зрения диахронической семантики. Данная задача является труднодостижимой за счет того, что, как мы смогли сами убедиться, на сегодняшний день отсутствуют комплексные знания, отраженные в словарях, которые бы позволяли составить развернутую картину о развитии семантического плана слова и семантических сдвигах, произошедших в плане выражения. Тем не менее, исходя из данных, представленных в этимологических словарях (М. Фасмера, В. Махека и О.Н. Трубачева), мы постарались отыскать общее лексическое значение современных омонимов (как полного, так и частичного), их общий этимон. В то же время на основании классификации причин, ведущих к появлению межъязыковых омонимов, мы проанализировали и постарались установить вид семантических или других сдвигов, повлиявших на чешско-русскую межъязыковую омонимию.

В Главе 1 нам удалось обосновать свой выбор в пользу термина «межъязыковые омонимы», который показался наиболее уместным в рамках данной работы. Напомним, что мы рассматривали межъязыковые омонимы как слова, тождественные в грамматическом плане и схожие по фонетике. Мы посчитали необходимым указать отличия, существующие между такими терминами, как «омонимия» и «полисемия». Обозначив несколько точек зрения, присутствующих в лингвистике по данному вопросу, мы поясняем сближение этих терминов в нашем исследовании: полисемию мы считаем явлением, существующим в парадигматических отношениях одной лексемы, а омонимию термином, уместным для употребления при сравнении двух и более языков. В Главе 1 мы также обращаем внимание на разграничение полных и частичных межъязыковых омонимов, опираясь при этом на отличия в семантическом поле исследуемых лексических единиц.

В работе мы выделили следующие виды модификаций, которые приводят к появлению межъязыковых омонимов: фонетические, грамматические, лексические, стилистические и семантические (расщепление полисемантического слова и последующее обособление отдельных элементов единого семантического поля, сужение семантического значения общеславянской лексемы, сужение семантического значения заимствованной лексемы, расширение семантического значения общеславянской лексемы, расширение семантического значения заимствованной лексемы, метафоризация). Мы попытались доказать, что по большей части межъязыковая омонимия вызвана именно семантическими изменениями. Наша научная гипотеза подтвердилась. В 28 из 30 оппозиций мы зафиксировали модификации семантического характера, т.е.: расщепление полисемантического слова и последующее обособление отдельных элементов единого семантического поля (влажный – *vlažný*; награда – *náhrada*); сужение семантического значения общеславянской лексемы (жаба – *žába*; запах – *zápach*; враг – *vrah* и т.д.); расширение семантического значения общеславянской лексемы (час – *čas*; ласка – *láska*); метафоризация (крутой – *krutý*). Иногда, как нам удалось заметить, синхронные планы содержания лексем отражают результаты более чем одного семантического сдвига (например, рот – *ret*). При анализе оппозиции «змея - *zmije*» нам удалось установить идентичный процесс метафоризации, произошедший в рамках обоих языков, в которых данная лексема помимо своего основного значения имеет одно дополнительное, переносное, экспрессивно-негативное (т.е. злой, язвительный). В ходе анализа мы также обнаружили некоторые другие виды изменений (например, грамматические, фонетические или стилистические). Указав в классификации изменения, связанные с семантическими модификациями заимствованной лексемы, нам, однако, не удалось зафиксировать подобные случаи в данном исследовании. Необходимо отметить, что, подчас, за неимением подробного и четкого материала в словарях, мы не решались однозначно утверждать, что в семантике того или иного слова произошел определенный тип сдвига (например, в оппозиции жадный – *žádný*). В таких случаях, для четкого установления вида той или иной модификации, приведшей к межъязыковой омонимии, следует привлечь лексический материал других славянских языков, как минимум языков западно- и восточнославянских.

Интересно, что в некоторых случаях трудности вызывает установление общего этимона лексем, у которых анализируются синхронные значения, зафиксированные словарями (глагол - *hlahol*). Однако, как только мы обращаемся к устаревшей,

архаичной семантике слов, ядро семантического поля становится более ясным.

Для наблюдения за контекстуальной семантикой отдельных лексических единиц в работе мы задействовали Чешский и Русский Национальный Языковой Корпус. В приводимых примерах мы старались акцентировать то или иное лексическое значение, которое реализуется в рамках контекстов. Благодаря этому в нескольких случаях нам удалось установить устаревшие и неактуальные семантические характеристики отдельных лексем.

Необходимо оговориться, что несмотря на то, что нам удалось доказать, что большинство русско-чешских межъязыковых омонимов возникли путем семантических сдвигов, исследованный нами материал является достаточно ограниченным. Нам кажется, что рассмотрев именные части речи исследуемых языков наряду с глаголами, можно показать более богатую и полную картину семантических изменений, произошедших в рамках чешского и русского языков, а также достигнуть более точных выводов. Кроме того, в перспективах нашего исследования находится описание и сравнение обозначенных в данной работе фонетических, грамматических, лексических и стилистических изменений, ведущих к межъязыковой омонимии.

Список литературы:

Список источников:

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. Москва, 1989.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Москва, 1964-73.
3. Трубачев, О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Том 1-30. Москва, 1974-2003.
4. Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997.
5. Slovník současné češtiny. Brno, 2011.
6. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2009.
7. Большой академический словарь русского языка. Том 8. Москва, Санкт-Петербург, 2007.
8. Большой академический словарь русского языка. Том 13. Москва, Санкт-Петербург, 2009.
9. Český národní korpus. WWW [online]: <<http://www.korpus.cz>>
10. Русский Национальный Языковой Корпус. WWW [online]: <<http://search.ruscorpora.ru>>

Список литературы:

11. Ivašina, N., Rudenka, A., Janovec, L. Falešní přátelé překladatele v češtině a běloruštině. Praha, 2006.
12. Kusal, K. Типы семантических отношений в сфере русско-польской межъязыковой омонимии. Из: Man and the Word (Žmogus ir žodis), вып. 3, том 7, 23-29 стр.
13. Lotko, E. Zrádná slova v polštině a češtině. Olomouc, 1992.
14. Vlček, J. Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie. Praha, 1966.
15. Акуленко В.В., Комиссарчик С.Ю., Погорелова Р.В., Юхт В.Л. Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика". Москва, 1969.
16. Арсеньева, М.Г., Строева, Т.В., Хазанович, А.П. Многозначность и омонимия. Ленинград, 1966.
17. Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. Санкт-Петербург, 2005.
18. Виноградов, В.В. Об омонимах и смежных явлениях. Из: Вопросы языкознания, вып. 5, 1960.
19. Грабчиков, С.М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря. Минск, 1980.
20. Дубичинский, В.В., Шайхиева, Т.Н. Лексикографическое описание русско-испанских лексических параллелей. WWW [online]: <<http://ojs.library.spbu.ru/index.php/SPL/article/download/18/18>>
21. Кесслер, М., Дерконьи, Ж. Les faux amis : ou les trahisons du vocabulaire anglais.

Париж, 1928.

22. Малинка, А.В. Нагель, О.В. Лексическая номинация: ономаσιологический и когнитивный подходы. WWW [online]: <<http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/16/image/16-044.pdf>>

23. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010.

24. Поляков, О. Славянские языки. Вильнюс, 1998.

25. Ровдо, И.С. Межъязыковые омонимы в условиях русско-белорусского и белорусско-русского билингвизма. Минск, 1980.

26. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Москва, 1933.

27. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология. Москва, 1983.

28. Хуцишвили, С.Д. Славянские межъязыковые омонимы. Диссертация. Тбилиси, 2010.